РУСКІЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

I. СВЯТКИ.
II. АВСЕНЬ.
III. МАСЛЯНИЦА.

РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

и

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ II.

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1838.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 19 го дня 1838 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

I.

Святки.

Святки, или *Святые вечера*, составляютъ народный зимній праздникъ, коимъ оканчивается одинъ годъ и начинается другой; онъ продолжается 12 дней, отъ Рождества Хрістова до Богоявленія. *Святками* въ просторѣчіи называются дни праздника Рождества Хрістова, съ 25 го Декабря по 5 е Января; они слывутъ также *Святыми вечерами* и по названію своему соотвѣтствуютъ *священнымъ ночамъ* у Нѣмцевъ (Weihnachten). На другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ *Святки* (Swatki) значатъ *праздники*, какъ мы замѣтили въ 1 й части этой книги. Кромѣ сего, ни одинъ изъ церковныхъ и народныхъ праздниковъ въ великой Россіи не именуется *Святками*, между тѣмъ какъ въ Малороссіи, Бѣлоруссіи и Польшѣ другіе праздники извѣстны подъ именемъ *Святокъ* (Świątki), на пр: *Зеленыя Святки*, или Троицкая недѣля. По этому заключить можно, что и названіе и большая часть святошныхъ игрищъ перешли на Сѣверъ съ Юга и Запада Россіи.

Ни въ одномъ праздникѣ народномъ не заключается столько обычаевъ, обрядовъ, примѣтъ, столько отношеній къ житейскимъ потребностямъ и времени года, какъ въ Святкахъ. Въ немъ представляется странная смѣсь совершенно разнородныхъ стихій: тутъ мы видимъ и суевѣрные языческіе обычаи и нѣкоторыя Христіанскія воспоминанія о Рождествѣ Спасителя міра. Къ первымъ относятся *гаданье, наряжанье* и разныя *игры*, отличающіяся сценическою изобразительностью; ко вторымъ *славленье*, или хожденіе дѣтей по домамъ съ рацеями, вертепомъ, звѣздою и т. п. По имени и цѣли своей Святки собственно должны святить благочестіемъ великое и отрадное для Христіанскаго міра событіе; но какъ незапамятная давность ввела въ сіи торжественные дни обычаи и обряды, ведущіе начало свое отъ древняго Славянорускаго Язычества и извѣстные во всемъ Славянскомъ мірѣ подъ разными именами: то мы и обратимся къ тѣмъ временамъ и мѣстамъ, гдѣ они проявлялись, потомъ изложимъ описаніе Святокъ въ Древности и въ новѣйшія времена у Рускихъ въ разныхъ областяхъ великой Россіи.

Въ малой и бѣлой Россіи и у Славянскихъ племенъ Святки именуются *Каледою*, или *Коледою, Колядками*, кои, по видимому, сходны съ Римскими Kalendae отъ *καλεῖν* сзывать,

или kalare опредѣлять *время*, по Санскр: Kâla. „Каланди, по толкованію Кормчей книги, „суть первіи въ коемждо мѣсяцѣ дніе, въ нихъ „же обычай бѣ Еллиномъ творити жертвы „и воты, и врумаліи: еллинстіи бяху празд-„ницы.“ Въ харатейной Кормчей, XIII в., хранящейся въ Патріаршей библіотекѣ, подъ No 8 (132), упоминаются: „сице глаголемыя „Коляды.“ Въ 62 правилѣ Стоглава то же повторяется съ нѣкоторыми дополненіями, относящимися къ отечественнымъ обычаямъ, именно: „Празднованіе веліе торжественно „сотворяюще, и игранія многа содѣвашеся по „еллинскому обычаю.“ Хотя Каланды, Каланты, Kalcandach, т. е. Календы, въ Кормчей и Стоглавѣ называются *еллинскими* праздника ми; но извѣстно, что не у Грековъ, а у Римлянъ были календы въ мѣсяцахъ и что Св. Отцы именовали *Еллинами* всѣхъ язычниковъ въ противоположность какъ православнымъ Грекамъ, такъ равно Іудеямъ (1): слѣдственно здѣсь разумѣются подъ именемъ Еллинскихъ языческіе *поганскіе* обычаи.

Въ Египетскомъ, Индѣйскомъ, Греческомъ и Римскомъ мірѣ Исторія открываетъ слѣды подобнаго Славяно-Рускому праздне-

---

(1) J. C. *Suiceri* Thesaurus ecclesiasticus. Amstel. 1772, f.

ства, которое состояло въ маскированіи, переряживаніи и гаданіи: что вѣроятно, перешло черезъ всю Европу и повторилось въ Скандинавіи. Египетскіе жрецы, празднуя востаніе Озириса, или новый годъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣвъ на себя личины и подъ видомъ различныхъ божествъ, шествовали по стогнамъ города. Пляски и пиршества слѣдовали за празднованіемъ таинствъ, о коихъ мы не имѣемъ совершеннаго понятія. Барельефы и гіероглифы на стѣнахъ храмовъ Мемфійскихъ и Ѳивскихъ доказываютъ, что сіи маскарады были дѣйствіемъ священнымъ для народа и что они отправлялись въ новолѣтіе (2). — Тогда же праздновалось у Персовъ рожденіе Миѳры, у Индѣйцевъ Перунъ-Понголъ и Угады (Ougadhy).

Греки, народъ веселый и изобрѣтательный, дали етому празднику, означавшему переходъ отъ стараго года къ новому, видъ болѣе радостный и торжественный: у нихъ при етомъ случаѣ юноши переряжались въ дѣвицъ, а жены въ мужей; и три дня, посвященные на празднованіе начала года, у Византійцевъ названы были праздникомъ Каландовъ

---

(2) *Kreuzers* Symbolik, I t. p. 164—275. W. Wachsmuth Hellen. Alterthumskunde. 2 Th. Halle. 1830. 8. — Замѣчанія о Календахъ *Барона Розенкампфа*, въ рукописи.

(*Καλανδῶν ἑορτή*). Между гаданіями у Грековъ, которые нѣкогда имѣли въ Смирнѣ и храмъ *κληδόνες*, было *κληδῶν*, похожее на наше святошное съ подблюдными пѣснями. Молодыя Гречанки, въ Іюнѣ, собравшись въ одно мѣсто, клали свои кольцы, перстни, серьги и монеты въ сосудъ, наполненный водою и, при пѣніи гадательныхъ пѣсенъ, вынимали ихъ, и чья вещь вынется при какой пѣсни, тому то, по ихъ мнѣнію, и сбудется. Ето подтверждается словами Валсамона. см. ч. I сей книги, стр. 240.

У Римлянъ также распространились такія торжества и таинства, кои сдѣлались у нихъ болѣе шумными, чѣмъ у Грековъ, обращены были въ важнѣйшіе гражданскіе праздники, въ дни обѣтные (dies votivae), кои имѣли характеръ политическій и религіозный. Календы даже пощажены и терпимы были Константиномъ великимъ, который тогда, видя невозможность совершенно истребить сіи обычаи, укоренившіеся въ народѣ, старался, по крайней мѣрѣ, прекратить безчинства слѣдующимъ закономъ, изданнымъ за четыре года до Никейскаго собора (3):

---

(3) Sicut indignissimum videbatur *dies solis* veneratione sui celebres altercantibus jurgiis et noxiis partium contentionibus occupari, ita gratum ac jucundum est iis diebus, quae sunt maxime votivae compleri. Atque ideo emancipandi et manumittendi die festo cuncti licentiam habeant.

„Какъ постыднымъ казалось въ *дни солнца* (такъ назывался въ Древности етотъ праздникъ у Римлянъ, прежде чѣмъ онъ перенесенъ былъ на 1 Января подъ именемъ Январскихъ календъ), „именитые по уваже-„нію къ нимъ, заниматься тяжбами и непоз-„волительными состязаніями: такъ, напро-„тивъ того, приятно и благородно поздрав-„лять въ сіи дни, кои суть обѣтные. Также „всѣмъ позволяется въ праздникъ отпускать „на волю и освобождать отъ власти отцов-„ской.“ Подъ словомъ contentiones partium, по мнѣнію Б. Розенкампфа, разумѣлись безчинства маскарадовъ, въ коихъ участвовали мущины и женщины. Въ концѣ IV вѣка Императоръ Валентиніанъ издалъ особенное постановленіе о Январскихъ календахъ, именно: „Повелѣваемъ во всѣ дни чинить „судъ и расправу. Однакожe надлежитъ „оставаться праздничными тѣмъ днямъ, „кои даются въ продолженіи двухъ мѣся-„цевъ года, для успокоенія отъ трудовъ по „причинѣ лѣтнихъ жаровъ и осенью для „снятія плодовъ земныхъ и древесныхъ, „также освобождаемъ отъ трудовъ въ извѣ-„стные дни Январскихъ календъ. Къ нимъ „присоединяемъ дни основанія знаменитѣй-„шихъ городовъ Рима и Константинопо-„ля, также священные дни Пасхи, пред-

„шествующіе и послѣдующіе въ числѣ се-„ми, день Рождества и Богоявленія Хрі-„ста“ и пр. (4).

Св. проповѣдники Христіанства, утверждая благоговѣйныя торжества и праздники, поставляли ихъ въ противуположность съ языческими, кои замѣнялись оными, и понятія народа, относившіяся къ предметамъ чувственнымъ, обращали къ духовнымъ. Такъ учрежденіе Церковію въ 24 д. Декабря высокаго праздника рожденія Свѣта міру, Солнца правды, смертію смерть поправшаго, было противоположностію языческимъ Врумаліямъ и празднеству Солнца, рождеству Непобѣдимаго (Natales Invicti sc. solis), которое отправлялось въ Римѣ 24 и 25 Декабря, и рожденія Миѳры, коему подъ разными именами покланя-

---

(4) Въ VI вѣкѣ только Юстиніанъ опредѣлилъ праздникъ Р. Х. слѣдующимъ закономъ: Omnes dies jubemus esse juridicos. Illos tamen manere feriarum dies fas erit, quos geminis mensibus ad requiem laboris indulgentior annus excepit: aestivis fervoribus mitigandis: et autumno fructibus discerpendis; kalandarum quoque Ianuarinarum consuetos dies otio mancipimus. His adjicimus natalitios dies urbium maximarum Romae et Constantinopoleos. Sacros quoque Paschae dies, qui septenno numero vel praecedunt vel sequuntur. Dies etiam natalis, atque Epiphanarium Christi и п. См. Обозрѣніе Кормчей книги въ истор. видѣ. сочин. *Б. Розенкампфа*. М. 1829, въ 8.

лись отъ Днѣпра до Парижа (5). Вотъ почему иногда дѣлается примѣненіе и сравненіе рожденнаго Христа съ возраждающимся и обьюнѣвшимъ солнцемъ, какъ сказано въ словѣ на Р. Х. „*Сивулла Августови показа дѣвицу младенца на руку держащую* (6). Яснѣе еще сдѣлано такое примѣненіе въ слѣдующемъ древнемъ пѣснопѣніи Римско-Католической церкви, гдѣ оно называлось Koledo (7):

Солнце на зимнюю грань едва лишь спало — внезапно
Новое съ нимъ возтекло свѣтило, бури сметая:
Воплотился Христосъ! и лучь проливая спасенья,
Днямъ растущимъ велѣлъ питаться добычею ночи!

Календы принадлежали еще народу, который съ перемѣною религіи и законовъ не хотѣлъ перемѣнить своихъ старыхъ обычаевъ и увеселеній, не смотря на всѣ старанія Духовенства отвратить его отъ етихъ обычаевъ, кои часто превращались въ безчинства. Тертулліанъ вооружался противъ Календскихъ бѣснованій и особенно противъ маскированія. С. Іоаннъ Златоустъ укоряетъ Христіанъ въ томъ, что „они вѣ„рятъ, что если проведутъ новолуніе сего „мѣсяца въ удовольствіи и весельи, то и

(5) Réligions de l'antiquité, par Dr. *Creuzer*, refondu en partie et complété par *J. D. Guigniaut*. t. I. à Paris. 1826.
(6) Четья Минея, Декабрь. (7) прелож. *А. Н. Муравьева*.

„цѣлый годъ будетъ для нихъ такимъ же."
Таковая примѣта соединялась съ трапезою наканунѣ Рождества Хр. у Славянскихъ племенъ. Етотъ языческій обычай встрѣчается въ древности, какъ видно изъ словъ Пр. Исаіи, г. 65 ст. 11: „Вы же оставшіи мя, „и забывающіи гору святую мою, и *уготов„ляющіи демону (Gad) трапезу* и исполняю„щіи *щастію раствореніе*, и пр." Въ объясненіи на ето мѣсто блаж. Іеронимъ пишетъ, что „во всѣхъ городахъ, особенно въ Египтѣ и Александріи существуетъ древній языческій обычай: ставить въ послѣдній день года трапезу, наполненную всякаго рода кушаньями, и чашу вина въ знаменіе плодородія прошедшаго или наступающаго года." Папа Захарій въ декретѣ своемъ запрещаетъ „отправ„лять Январскія календы по языческому обы„чаю и учреждать трапезы въ домѣ своемъ." Бонифацій, Апостолъ Нѣмцевъ, етому Папѣ доноситъ, что „въ ночь Январскихъ календъ язычники ходятъ по улицамъ въ хороводахъ съ восклицаніями и нечестивыми пѣснями." То же встрѣчается и въ Скандинавіи. — Блаж. Августинъ въ бесѣдѣ своей de Kalendis Januariis (8) говоритъ, что они происходятъ отъ Яна, вождя язычниковъ, котораго они боялись, какъ

---

(8) Homelia B. Augustini de kalendis Ianuarii. Parisiis. 1611, in 12.

„бога; его представляютъ они съ двумя лицами, однимъ спереди, другимъ сзади. Въ „дни праздника его одѣваются въ кожи звѣриныя, придѣлываютъ на себя головы скотовъ и т. д. Въ Календы Январскія также „совершаютъ гаданія, никому не даютъ огня „изъ своего дома, а нѣкоторые невѣжды накрывъ столы со всякимъ кушаньемъ, оставляютъ ихъ на цѣлую ночь, воображая, что „Календы могутъ доставить имъ такое же „изобиліе на цѣлый годъ." Переряжаніе сіе выражается у бл. Августина и другихъ словами cervum и cervolum facere: что̀ значитъ представлять, играть оленя; оно сходно съ Рускимъ: *козу играть*. см. *Масляница*.

Етотъ обычай произошелъ отъ того, что язычники представляли любовныя дѣла̀ своихъ боговъ; *рога̀* же (*κέρατα*, cornua) суть символы прелюбодѣянія: поетому и Юпитеръ называется рогатымъ любовникомъ (cornutus amator); ибо онъ похитилъ Европу въ видѣ тельца и забавлялся въ образѣ Сатира. *Tertull.* in Apologet. dist. 94. Артемидоръ въ книгѣ о снахъ, кн. 2 гл. 12, утверждаетъ, что издревле говорилось *приставить рога̀* о женахъ, измѣнившихъ въ цѣломудріи мужьямъ: *ὅ τε ἡ γηνὴ σου πορνεύσει καὶ τὸ λεγόμενον κέρατα αὐτῷ ποιήσει*, т. е. если прелюбодѣйствуетъ жена, то говорится: „рога дѣлаетъ." Ето дало поводъ къ извѣстной поговоркѣ:

Cornua qui faciunt, cur cornua ferre recusent? По сей то причинѣ язычники иногда изображали боговъ своихъ съ оленьими головами. У Франковъ употреблялось слово Chervali и Chermari о вступающихъ во вторый и третій браки, подверженныхъ болѣе измѣнѣ.

Хотя всѣ такія игрища въ Христіанскомъ мірѣ запрещались Церковію; однакожъ привычка ихъ столько укоренила въ народѣ, что онѣ не могли совершенно искорениться; ибо переряжанье вошло въ обычай и у самыхъ церковнослужителей. Таковъ былъ праздникъ иподіаконовъ — не отъ того, чтобы дѣйствительно одни иподіаконы совершали сіе нечестивое празднество; но потому, что въ народѣ подъ симъ шуточнымъ наименованіемъ слылъ етотъ праздникъ, въ коемъ участвовали и пьяные клирики. Праздникъ иподіаконовъ, по свидѣтельству Белета въ XII в. извѣстенъ также былъ подъ именемъ *праздника дураковъ, фатюевъ* (stultorum, fatuorum), отправлявшійся иными въ день Обрѣзанія, другими въ Крещеніе. Обычай переряжаться существовалъ болѣе на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ. Въ 16 правилѣ восьмаго собора, непринятаго Восточною Церковью, мы читаемъ, что были тогда „такіе міряне, которые изъ ко„щунства одѣвались попами и Епископами, „выбирая себѣ начальника;“ и пр. Въ Римско-

Католической Церкви введено было неприличное празднество въ концѣ Декабря подъ именемъ *Декабрской вольности* (libertas Decembrica), которая дозволяла Епископамъ съ подчиненными своими въ киновіяхъ потѣшаться разными играми, по примѣру язычниковъ, у которыхъ въ етомъ мѣсяцѣ пользовались свободою рабы, рабыни и пастухи, участвуя вмѣстѣ съ господами въ общихъ празднествахъ по собраніи жатвы. *Beletus*, с. 120 (9). Таковъ *Керечунъ вечеръ* у Карпатороссовъ. Папа Иннокентій III (1198 — 1216) такъ писалъ къ Гнѣзненскому Архіепіскопу Генриху касательно позорищъ въ церкви о Р. Х.: „Поелику въ церквахъ совершаются позорища и не только вводятся для потѣхи чудовищныя личины (monstra larvarum), но даже при нѣкоторыхъ праздникахъ сами діаконы, пресвитеры и поддіаконы участвуютъ въ безчинныхъ играхъ: то тебѣ возлюбленному о Христѣ брату надлежитъ искоренять въ подвѣдомственныхъ церквахъ подобные обычаи, да не обезчестится домъ Господень таковою мерзостію.“ Праздникъ дураковъ, отправлявшійся въ Парижской и другихъ церквахъ, запрещенъ былъ Парижскимъ соборомъ 1212 г. и другими. Однако въ описи Іоркской

---

(9) Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie, von J. C. Augusti. Leipz. 1822, 6 t. in 8.

церкви 1530 г. читается слѣд.: „Малая митра „съ каменьями для Епіскопа дѣтей; также „одинъ перстень и двѣ панагіи на подобіе „креста, осыпаннаго каменьями“ и пр. Что же касается до Франціи, то Парижскій богословскій факультетъ въ 1444 г. приговоромъ своимъ способствовалъ къ совершенному уничтоженію этого праздника, во время коего „священники и клирики, выбравъ „Архіепіскопа или Епіскопа, или Папу, именовали его *Папою дураковъ*: ибо тогда уже „начинали въ Европѣ возставать на Римскаго Первосвященника. Даже во время „самаго священнодѣйствія они плясали въ „чудовищныхъ личинахъ и въ одеждахъ женскихъ или шутовскихъ и въ кожахъ львиныхъ, пѣли срамныя пѣсни, на алтарѣ ѣли „блины (offas pingues), и бѣгали по всей церкви.“

Вѣроятно, этотъ обычай Западной церкви узналъ Петръ I во Франціи или Германіи и, по возвращеніи своемъ въ Россію, наряжалъ Зотова Папою, а другихъ любимцевъ своихъ Кардиналами, діаконами и церемоніймейстерами, и въ сопровожденіи хора пѣвчихъ о Святкахъ ходилъ съ ними къ боярамъ по домамъ славить (10). см. ниже.

---

(10) I. Haigold's (A. L. Schlözer) Beylagen zur veränderl. Russland. Leipz. 1769 — 70, II Th. p. 79.

Въ Кормчей книгѣ, на основаніи XXII гл. ст. 5 Второзаконія (11), подобныя переряживанія запрещаются слѣдующими словами: „Да „отвержены будутъ отъ вѣрныхъ житія и ко„мическая и сатирическая и козляя лица. С. „Отцы не повелѣваютъ мужамъ облачатися „въ женскія ризы, ни женамъ въ мужескія, „еже творятъ на праздникъ Діонисовъ пля„шуще: ни лицъ же косматыхъ возлагати на „ся, ни козлихъ, ни сатирскихъ. Косматая „убо лица сутъ наруганіе нѣкимъ ухищрена, „козляя же, яко жалостна и на плачь подви„зающа" и пр. Валсамонъ, Патріархъ XII в. свидѣтельствуетъ, что, не смотря на запрещеніе церкви, „на Западѣ продолжалось наряжанье въ шутовское платье, въ сатировъ, комедіантовъ и трагиковъ или въ скотовъ, кумировъ и чудовища, и вмѣсто етого представляли рожденіе Сына Божія, явленіе Ангеловъ пастырямъ, Обрѣзаніе, звѣзду, трехъ Царей и тому подобное" (12). Что, какъ увидимъ, перешло и въ Россію.

Константинъ багрянородный въ описаніи церемоній Византійскаго Двора упоминаетъ о *Готскихъ играхъ*, кои отправлялись

(11) „Да не будетъ утварь мужеска на женѣ, ни да облачится мужъ въ ризу женску."

(12) *Balsamo* synodi Trullensis, c. 62.

о Рождествѣ Хр. при Дворѣ, въ присутствіи Императора. „Назначенные для такихъ потѣхъ люди — пишетъ онъ — являлись въ личинахъ и въ шубахъ, выворочленныхъ на изнанку: бѣгали, вертѣлись, ударяли жезлами въ щиты и пѣли пѣсни подъ музыку.“ По свидѣтельству Кодина, святочныя потѣхи въ Византіи отъ того назывались *Готскими*, что Греки, перерядясь Готами, какъ можно страннѣе, приходили къ Императору съ поздравленіемъ и за то получали отъ него деньги.“ Въ праздникъ Р. Х. — продолжаетъ Кодинъ — подходили къ Императору вельможи и чиновники; потомъ Варанги и другіе иноплеменники, составлявшіе Царскихъ тѣлохранителей, возглашали многолѣтіе Государю; а пѣвчіе пѣли кондакъ: *Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ* — и оканчивали многолѣтіемъ.“ Двору, вѣроятно, подражали и вельможи. Въ продолженіи близкихъ сношеній Россіи съ Византійскимъ Дворомъ могли сіи обычаи перейти въ нее, если еще они прежде не были извѣстны въ племенахъ Славяно-Рускихъ, изъ коихъ находились тѣлохранителями при Византійскихъ Императорахъ то подъ именемъ *Варяговъ*, то *Готовъ*, или вообще *Варваровъ*. Въ етихъ *Готскихъ играхъ* мы узнаемъ наши *Святки*, кои подъ разными именами извѣстны у Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ.

„Готскія игры встрѣчаются у насъ, говоритъ Саксонецъ Рейске, подъ именемъ die Knechte Ruperte, Робертовы воины. Въ продолженіи 12 дней праздника Рождества Хрістова молодые люди одѣвались въ звѣриныя шкуры, съ рогами на головѣ, марали себѣ лица сажею, а въ зубы брали горящіе уголья, бѣгали по улицамъ съ мѣшками, въ кои стращали запрятать дѣтей, ударяли съ крикомъ въ цимбалы" и т. д. (13).

Въ Скандинавіи Рождественскія Святки извѣстны подъ именемъ Іольскаго или Юльскаго праздника (Iuul, Ioel), какъ важнѣйшаго и продолжительнѣйшаго изъ всѣхъ: онъ отправлялся въ Норвегіи въ честь Тора среди зимы, а въ Даніи въ честь Одина для благословенной жатвы и скораго возврата солнца. Обыкновенно начинался онъ въ полночь 4 Января и продолжался цѣлыя три недѣли. Первые три дня сего празднества провождаемы были въ благотвореніяхъ; а послѣднее время въ пиршествахъ и весельи. Названіе Iuul, вѣроятно, произошло отъ Hjul, по Датски колесо; потому что годъ тогда поворачивался колесомъ. Въ послѣдствіи времени, говоритъ сочинитель Сѣверной Миѳологіи Мэн-

(13) *Constantini. porph.* l. 11, de caeremoniis aulae Byzantinae, ed. I. Leichii et Reiskii. Lipsiae. 1754. f.

нихенъ, тоже самое названіе дано введенному на мѣсто языческаго Христіанскому празднику. Древность Іоль на Скандинавскомъ Сѣверѣ усматривается изъ того, что объ ономъ упоминаетъ Прокопій, писатель Визант. VI в. Должайшая и мрачнѣйшая ночь въ году, которая предшествовала и содѣйствовала рожденію Фрейера, или Солнца, называлась у древнихъ Англо-Саксовъ *Материнскою ночью* (Moedrenecht); ибо почитаема была матерью солнца, или солнечнаго года. Въ ето время, по вѣрованію сѣверныхъ народовъ, являлся духъ Юлеветтенъ въ образѣ черноликаго юноши, съ женскою повязкой на головѣ, закутаннаго въ черный плащъ длинный: въ такомъ видѣ является онъ ночью въ домы, какъ у Рускихъ *суженый ряженый*, принимаетъ подарки. Ето нынѣ на всемъ Сѣверѣ обратилось въ забавную игру безъ всякаго суевѣрія (14). Почти такую же ролю играютъ на Германскомъ Сѣверѣ Филліи. На Іольскомъ праздникѣ убиваемъ былъ въ честь Фрейера большой вепрь въ присутствіи Короля; надъ симъ священнымъ животнымъ, положивъ руки, клялись въ ненарушимой вѣрности подданные его. По окон-

---

(14) Edda Saemundina, t. III. p. 326.

чаніи жертвы, всѣ предавались Іольскимъ весельямъ, кои состояли въ ѣдѣ, питьѣ, плясках и разныхъ играхъ: онѣ продолжались семь дней. Даже донынѣ о Святкахъ убиваются свиньи и пекутъ пироги на подобіе свиней (15). Остатки сего празднества не только на Скандинавскомъ Сѣверѣ, но и въ Англіи и Германіи сохраняются по различнымъ областямъ въ играхъ, пляскахъ и пѣсняхъ, къ коимъ присоединяются многія суевѣрныя примѣты и гаданія. см. ч. I.

Въ Англіи, за нѣсколько дней до Р. Хр., начинаются въ большей части городовъ ночное пѣніе и музыка по улицамъ. Въ Голландіи 8 ночей предъ праздникомъ и 8 ночей послѣ *Клапперманъ*, или сторожъ, возглашая часы, подъ утро прибавляетъ къ етому смѣшную пѣсню, въ коей совѣтуетъ обывателямъ ѣсть кашу съ изюмомъ, по случаю праздниковъ, и класть въ нее патоки, отъ чего она будетъ еще вкуснѣе. Обряды, какими сопровождается канунъ Рождества, и какіе были прежде общеупотребительны на Западѣ Европы, дышатъ весельемъ, представляющимъ пріятную противуположность съ печальнымъ временемъ года. Домы и церкви

---

(15) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Tkany. Znaim. 2 B. 1827, 8.

украшаются вѣтвями зеленыхъ деревъ, веселыя пѣсни раздаются въ деревняхъ, слышится музыка ночныхъ сторожей; въ полночь начинаютъ звонить въ колокола. У простаго народа бездна смѣшныхъ преданій по случаю етого дня, и ночь предъ Рождествомъ бываетъ свидѣтельницей множества суевѣрныхъ наблюденій. Въ цѣлой Англіи существуетъ повѣрье, что если войти въ хлѣвъ ровно въ полночь, то найдешь весь скотъ на колѣняхъ. Многіе убѣждены, что пчелы поютъ въ ульяхъ, привѣтствуя наступающій день праздника. Ето повѣрье распространилось по всей Католической и Протестантской Европѣ (17). Вечеромъ женщины ни за что не оставятъ кудели на прялкахъ, чтобы чортъ не вздумалъ вмѣсто ихъ сѣсть за работу. Молодыя дѣвки даютъ етому другой толкъ: онѣ говорятъ, что, если не допрясть кудели наканунѣ Рождества, прялка придетъ за ними въ церковь при вѣнчаніи и мужья ихъ подумаютъ, что они Богъ-вѣсть какія лѣнтяйки. Если не досугъ допрясть: онѣ, по крайней мѣрѣ, солятъ кудель, чтобъ сохранить и отъ сатанинской силы. Если нитки останутся на мотовилѣ, ихъ не снимаютъ, какъ обыкно-

---

(17) Poetical works of *Sir Walter Scott*, v. IV. Eding. 1823, въ 12.

венно, а разрѣзываютъ. Ето торжество было у народовъ сѣверо-западной Европы порою великихъ жертвоприношеній. Датчане приносили тогда человѣческія жертвы; Готоы кабана, потому что ето животное посвящено солнцу, какъ у Персовъ конь. И до сего времени крестьяне въ етихъ краяхъ пекутъ въ Рождество кабановъ изъ тѣста, ставятъ ихъ на столъ вмѣстѣ съ другими яствами и не трогаютъ во весь праздникъ, думая, что отъ етого зависитъ ихъ благополучіе. Печеный кабанъ называется Iulagalt. Въ другихъ мѣстахъ довольствуются печенымъ поросенкомъ. Въ Шотландіи берегутъ послѣднюю горсть хлѣба, сжатую лѣтомъ, и раздаютъ ее лошадямъ и коровамъ утромъ въ Рождество, чтобы предохранить ихъ на годъ отъ болѣзней. Въ старину, первое блюдо, которое подавали въ етотъ день у каждаго добраго Англичанина, была кабанья башка въ уксусѣ и съ лимономъ въ пасти. При етомъ пѣли пѣсню, которая и теперь еще сохранилась въ одномъ Оксфордскомъ коллегіумѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шотландіи есть примѣта, что кто первый отворитъ дверь въ праздникъ Юля, тотъ будетъ счастливъ во весь слѣдующій годъ; потому что онъ впустилъ Юля. Для етого языческаго божества иные по-сю-пору накрываютъ при-

боръ и ставятъ хлѣбъ съ сыромъ и какой-нибудь напитокъ, такъ какъ дѣлали Восточные народы. см. выше стр. 9. Каждый гость долженъ отвѣдать етой жертвы; если жъ уйдетъ безъ етого, дурная примѣта. Объ Рождествѣ, въ Новый годъ, въ первый Январскій понедѣльникъ и 3го Мая, суевѣрные люди въ Шотландіи ни за что не дадутъ угольевъ сосѣдямъ, опасаясь колдовства и порчи, какъ древніе Римляне. Въ западныхъ областяхъ Англіи объ Рождествѣ кланяются яблонямъ, чтобы онѣ на слѣдующій годъ были плодоноснѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыватели совершаютъ ходы по плодовитымъ садамъ и кланяются одному какому-нибудь дереву, произнося родъ заклинанія или заговора; послѣ того орошаютъ дерево яблочнымъ сокомъ, или разбиваютъ объ него кубокъ съ етимъ напиткомъ — все для урожая. Также къ Рождественской ночи дѣлаютъ особенныя свѣчки, такія толстыя, что онѣ горятъ съ вечера наканунѣ праздника до исхода слѣдующаго дня, и если погаснутъ прежде, ето предзнаменуетъ несчастіе въ семействѣ. Въ сѣверной Шотландіи лавочники дарятъ Юлевыя свѣчи своимъ покупщикамъ: строгіе наблюдатели суевѣрныхъ обрядовъ даютъ имъ горѣть до тѣхъ поръ, пока онѣ сами погаснутъ; другіе напротивъ задуваютъ ихъ

прежде, и берегутъ огарки въ видѣ талисмановъ. Тамъ есть также ночное гаданье Tagħairm, на воловьей кожѣ, сходное съ Рускимъ, какъ увидимъ ниже. Въ Англіи въ Святки (Christmass holy-days) есть множество другихъ суевѣрій, изъ коихъ ограничимся двумя или тремя примѣрами. Кто-нибудь изъ членовъ семейства встаетъ въ Рождество ранѣе всѣхъ другихъ и приготовляетъ завтракъ, который они должны скушать на постели. Завтракъ етотъ обыкновенно состоитъ изъ пирожковъ съ яйцами. На каждаго человѣка въ домѣ печется по пирожку, и чей пирогъ развалится во время печенія, тому не дожить до будущаго праздника. Наканунѣ Рождества кладутъ въ огонь претолстое полѣно, которое должно горѣть во весь слѣдующій день, а если можно, и долѣе. Для зажженія его стараются имѣть головню, сбереженную отъ прошлогодняго полѣна, подобно Сербскому *Бадняку*, и служившую предохранительнымъ средствомъ отъ всякой напасти. Пока Рождественское полѣно не потухнетъ, всей домашней челяди отпускается къ столу пиво. 29 Декабря, когда празднуется память избіенія младенцевъ царемъ Иродомъ, встарину обыкновенно будили дѣтей плетью, чтобы хорошенько вбить имъ въ память ето кровопролитіе.

День, въ который приходился етотъ праздникъ, почитали *чернымъ* во весь годъ и боялись больше, нежели Руские понедѣльника (18).

Въ Германіи во время священныхъ ночей (Juelfest, Weihnacht) простолюдины наряжаются. Между многими повѣрьями существуетъ одно, будто наканунѣ Рождества Хрістова говорятъ скоты, и обычай ставить для дѣтей дерево, обвѣшенное плодами, конфектами и игрушками (Weinachtsbaum), представлять въ лицахъ исторію рожденія І. Хріста и т. д. „Въ Саксоніи, въ деревнѣ Шолбекѣ, по свидѣтельству Кранца, юноши и мужи съ женщинами проводили навечеріе Р. Хр. на погостѣ С. Магна въ безчинныхъ пляскахъ и въ нечестивыхъ пѣсняхъ.“ Тоже мы читаемъ въ Стоглавѣ, гдѣ описываеться, что „на навечеріи Р. Хрістова и Крещенія „сходятся мужи и жены на нощное плещо-„ваніе, игры, глумленіе и бѣсовскія пѣсни.“ Нѣкоторые способы *ворожения* (Wahrsagen) у Нѣмцевъ сходны съ Славяно-Рускими; у первыхъ доселѣ дѣвушки для узнанія судьбы своей льютъ воскъ и олово (Wachsgießen, Bleygießen), дѣлаютъ птицеволхвованіе и пр.

„Декабря 24 — пишетъ Карамзинъ — „Язычники Руские славили Коляду, бога тор-

(18) Библіотека для Чтенія, 1836 г. No II.

„жествъ и мира. Еще и въ наше время, на-„канунѣ Рождества Хрістова, дѣти земле-„дѣльцевъ собираются *колядовать* подъ окнами „богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина „въ пѣсняхъ, твердятъ *Коляды* и просятъ „денегъ. Святочныя игрища и гаданія ка-„жутся остаткомъ сего языческаго празд-„ника" (19). Хотя многіе производятъ *Коледу* отъ Римскихъ *Календъ* по тому, что празднованіе оной приходится въ одно почти съ ними время и самыя слова созвучны между собою; но *Календы* у Римлянъ были не въ одномъ Январѣ, а во всѣхъ мѣсяцахъ. Что жъ касается до замѣченнаго нами сходства въ нѣкоторыхъ частяхъ етого праздника Янусова съ Славяно-Рускимъ: то вѣроятно оно произошло отъ Славянскихъ племенъ, бывшихъ подъ Римскимъ владычествомъ и въ послѣдствіи передавшихъ етотъ обычай своимъ переселенцамъ на Западъ и Югъ Россіи, гдѣ донынѣ воспѣвается *Коледа* и продолжается *Коледованье*, а на Сѣверъ, полагать надобно, онѣ перенесены Балтійскими Славянами. Какъ народъ, принимая и усвоивая себѣ чуждыя понятія и вѣрованія, всегда ищетъ

(19) *Карамз.* И. Г. Р. I, стр. 61 и 101. Въ рукоп. XVI вѣка въ житіи С. Бориса и Глѣба день кончины ихъ означенъ *Календами*.

въ нихъ сходства внѣшняго или внутренняго съ коренными своими понятіями и вѣрованіями: то и *Коледа* у разныхъ Славянскихъ племенъ и Рускихъ получила разное знаменованіе и производство, болѣе соотвѣтственное ихъ духу, мѣстности и обычаямъ. У Виндійцевъ Koléda почитается за божество празднествъ, или нѣкоторые религіозные обряды; а Kolédowati выражаетъ: хожденіе крестьянскихъ дѣтей по домамъ съ пѣснями и плясками. Koliado, или Koleda, также wanočnj pisničky, по свидѣтельству Словарей Бернолака, Юнгманна и Вука Стефановича, у Чеховъ, Сербовъ и Болгаровъ значитъ святошная пѣснь; choditi po Kolede, поздравлять съ новымъ годомъ и за это получать подарки. Koléda у Словаковъ знаменуетъ благословеніе домовъ, какое у нихъ бываетъ около праздника Трехъ Царей, а kóledowat, благословлять домы. Богемская Исторія объясняетъ *Коледу* набожнымъ обычаемъ ходить священнослужителямъ по домамъ съ св. крестомъ и мощами о Рождествѣ Христовѣ; это учреждено въ XI вѣкѣ Чешскимъ Княземъ Бретиславомъ, по изгнаніи всѣхъ колдуновъ и оборотней изъ своихъ владѣній. Кроаты, Босняки и другіе народы Славянскаго племени подъ *Коледою* разумѣютъ подарокъ въ Новый годъ: тогда въ Римско-Католическихъ церквахъ раздавались на-

роду сдѣланныя изъ тѣста ясли, пеленки и другія принадлежности къ мѣсту рожденія І. Хріста: что называлось *Календами*. И теперь Римское Духовенство разсылаетъ на канунѣ Р. Х. тонкіе изъ тѣста, какъ облатки, листки разныхъ цвѣтовъ съ выписнутыми на нихъ изображеніями, относящимися къ етому празднику, и хозяева, разговляясь съ семействомъ или гостями, берутъ вмѣстѣ такой листокъ съ обоихъ концевъ, и, разламывая вдругъ, съѣдаютъ каждый свою часть въ знакъ единовѣрства и братства Хрістіанскаго, и ето собственно значитъ у нихъ поздравленіе другъ друга съ праздникомъ Рождества Хрістова. Подобный западному обычай существовалъ въ Шенкурскѣ до 1780 г: тамъ въ каждомъ домѣ приготовляли къ празднику Рождества Хрістова изъ пшеничнаго тѣста фигуры, изображающія маленькихъ коровъ, быковъ, овецъ и другихъ животныхъ и пастуховъ. Такія фигуры ставились на окна и столы, посылались въ подарокъ роднымъ. Обычай етотъ, прекратившійся въ городахъ, сохраняется въ Шенкурской и Вельской округахъ (20).

---

(20) Свѣденія о народныхъ праздникахъ въ Шенкурской и Вельской округахъ М *Мясникова*, въ рукоп. 1829.

Гваньини говоритъ, будто у Рускихъ боярскія дѣти часто получали отъ Великаго Князя *кіовую Календу*, т. е. палочный подарокъ. Линде въ Словарѣ своемъ производитъ *Коленду* отъ *колѣнъ-даванія*, т. е. отъ колѣнопреклоненія предъ рожденнымъ Спасителемъ міра. Самый стихъ, поемый въ Западной церкви *Collaudemus, collaudemus* Christum regem, даетъ поводъ производить отъ него Colenda, соотвѣтствующее Малороссійскому *Коледованью*, или славленью, и средне-Греческому сл. *κογλαδῶ* славлю, воспѣваю. Сверхъ того, по свидѣтельству Боёція и другихъ Западныхъ писателей, священнослужители Римской церкви именовались отъ colendo Colidei и Culdei, богочтецы, ублажавшіе Бога пѣснопѣніемъ (21). Наконецъ Г. Гнѣдичь производитъ Коледу отъ *χολαδεῖς* (кишки) колбасы, коей кольцо выпрашиваютъ себѣ Колядовщики въ Малороссіи. — На Рускомъ Югѣ и Сѣверѣ, гдѣ Декабрь назывался *Студенымъ*, *Коледа* получила другое знаменованіе и примѣненіе, соотвѣтственное климату, мѣстности, нравамъ и обычаямъ жителей; по отношенію къ времени года, она имѣетъ такое же значеніе, какъ Скандинавскій Юль (юла?), т. е. колесо; ибо въ эту пору годъ обращался колесомъ, кото-

---

(21) *Ducange* Glossarium mediae et infimae Latinitatis. VI v. 8.

рое на Славянскомъ называется *коло*, сходно съ Греч. *κύκλος* кругъ, колесо, отъ *κυλίω*, или *καλινδέω* катаю. Какъ во время Руской *Коледы колдуютъ*, такъ и Западное *коледованье* сближено на Рускомъ Сѣверѣ съ *колдованьемъ*.

Коледы не находится въ числѣ божествъ Владиміровыхъ, приводимыхъ Несторомъ и Макаріемъ; къ нимъ онъ присоединенъ въ Четьи Минеи С. Димитріемъ Тупталою, въ житіи В. К. Владиміра I, какъ богъ зимняго празднованія. Гизель, руководствуясь Стриковскимъ, говоритъ: „Коляда шестый идолъ, „богъ праздничный, ему же праздникъ велій „мѣсяцъ Декемврій въ 21 день составляху.“ Послѣдователи ихъ сопричислили Коляду къ богамъ Славянскимъ, и внесли въ систему Миѳологіи, хотя нигдѣ въ древнихъ памятникахъ онъ не попадается въ такомъ значеніи. По етому вѣроятнѣе, согласно съ Копытаремъ, *Коляду* признать можно не божествомъ, а праздникомъ, который олицетворяется въ сказаніяхъ и пѣсняхъ народныхъ (22).

Коледа въ Южной и Западной Руси собственно есть канунъ праздника Рождества Христова, который извѣстенъ на Сѣверо-Востокѣ Россіи болѣе подъ именемъ *Авсеня*, или

---

22) Россія въ истор. статист. и геогр. и лит. отношеніяхъ, *Ѳ. Булгарина*. Спб. ч. 2. 1837, въ 12.

Таусеня, у Литовцевъ, *вечера колодокъ*, или *Блоккова*, въ которой почти вездѣ въ Славянскомъ и Рускомъ мірѣ готовится изъ зерноваго хлѣба *каша* и изъ пшена и плодовъ *кутья*, напоминающая Индѣйскій Перунъ-Понголъ и *Угады*, въ кои по варенію пшена угадывали жребій въ наступающемъ году. Коледа бываетъ *Васильевская* наканунѣ Новаго года и *Крещенская* наканунѣ Богоявленія, или *Водокрещей*, первая *богатая*, другая *постная*. Въ Малороссіи хожденіе съ вертепомъ и звѣздою, сдѣланною изъ бумаги, и пѣнье виноградья, извѣстно подъ именемъ *Коледы*. Даже около Москвы, гдѣ Колядою называется день, предшествующій Р. Христову, тогда поютъ:

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества,

и возятъ на саняхъ дѣвку въ бѣлой рубашкѣ сверхъ одежды: ета дѣвка слыветъ *Коледою*. Во Владимірской Губерніи, особливо въ Муромскомъ уѣздѣ, тогда въ пѣсняхъ припѣваютъ *Коледа Таусень*.

О переходѣ сего праздника и имени изъ Новгорода въ Костромскую и другія Великороссійскія Губерніи, вѣроятно, во время *разводовъ* въ XV и XVI вѣкахъ, свидѣтельствуетъ слѣд. пѣсня, которую тамъ поютъ о Святкахъ:

Шла Коледа
Изъ Новагорода и т. д.

У Румыновъ Святки именуются *Кречуномъ*, у Карпато-Россовъ канунъ Р. Христова— *Керечунъ*, который у нихъ почитается за божество, а *коледованье* за празднованье. *Корочуномъ* у Рускихъ въ старину назывался и Рождественскій постъ, по мнѣнію Карамзина, отъ *короткихъ* дней (23). Но *Корочунъ* созвученъ съ Сербск: *корачити* ходить, шествовать, съ Рускимъ *корчить*, въ значеніи представлять изъ себя что или кого, и съ *Хорсомъ*, или *Корсомъ*, однимъ изъ семи Кіевскихъ божествъ. Не относится ли также сюда упоминаемое въ Стоглавѣ *чародѣяніе* надъ *корчагами?*

Въ Великороссійскія Святки, кромѣ *славленья* дѣтей по домамъ, бываютъ *наряжанья* въ разныя лица и въ разные костюмы, и *загадыванья*. То и другое совершается вечеромъ, а послѣднее болѣе въ самую полночь: сценою ихъ избираются домы и улицы, особливо перекрестки, двери церковныя, также погосты, или кладбища, проруби рѣкъ, поляны, гумны, овины, бани, курятники и т. д.

§ 1. Святочное переряживанье есть Русскій народный маскарадъ, который издревле извѣстенъ на Руси, такъ равно и во всей

---

(23) *Карамз.* И. Г. Р. ч. II, пр. 288. — см. I ч. сей книги.

Европѣ. Маски же, употребительныя въ глубокой древности, въ оргіяхъ Бахусовыхъ, какъ средства противъ очарованія, назывались у Рускихъ Славянъ *личинами*, а въ Кормчей рукоп. XIII в. *обличьями игрѣць и ликѣственникѣ*, также *наличниками*, въ Стоглавѣ *скаредными образованіями*, потомъ *лицами косматыми, козлими, сатирскими, окрутами, скуратами* и *лудами*, а самое маскированіе и переряживанье — *москолюдствомѣ* и *окручаньемѣ:* первое вѣроятно происходитъ отъ соединенія словъ Тосканскаго masca, *маска* и *люда* (24), а другое сходно съ Греческимъ *γρύτη, γρυτάριον* ветошь, рубище, въ какое *окручались* окрутники. Въ поученіи Архіепіскопа Луки, XII вѣка, запрещается *москолюдство имѣти.* Упоминаемая въ Патерикѣ Печерскомъ *луда на бѣсѣ вѣ образѣ Ляха,* означаетъ личину, или маскерадное платье ludix (25). Въ Прологѣ подъ 23 Декабря личины и хари называются *скуратами* отъ Лат. слóва scurra шутъ, или отъ стариннаго Рускаго *скóра*, удержавшагося нынѣ въ сл. *скорнякѣ*, то же что шкура, Лат. corium, Чешское kura. см. ч. I. стр. 230. Переря-

---

(24) сравни: Was bedeutet das in den russischen Chroniken unter dem I. 1024 vorkommende Wort луда? antiq. Abhandl. von A. I. *Siogren.* S. P. 1834. in 4.

(25) Рускія достопамятности, ч. I. M. 1815, въ 8.

живанье состояло, также какъ у Византійцевъ Готское, въ надѣваніи на себя вывороченныхъ наизнанку шубъ, или винчуръ, *гунь* (*γοῦναι*) и страшныхъ личинъ: *корчили* изъ себя разныхъ звѣрей: то медвѣдей, то козловъ съ рогами и другія пугалища; мущины переряжались женщинами, а женщины мущинами съ тѣмъ, чтобы другіе не могли ихъ узнать. Въ такомъ видѣ они хаживали, *колобродили*, вечеромъ по домамъ знакомыхъ и даже незнакомыхъ. Въ Номоканонѣ, издан. въ Кіевѣ 1624 г., на стр. 36, говорится слѣд: „Нынѣ Христіанскія дѣти сія „творятъ: въ одежду женскую мужіе облачатся и жены въ мужескую; или наличники, якоже въ странахъ Латинскихъ „злѣ обыкоша, творятъ, различныя лица себѣ „претворяюще." Между Греками и Латинами, въ средніе вѣки, существовало мнѣніе, будто въ продолженіе осьми дней послѣ Рождества Христова дьяволы скитаются по земли, и, при наступленіи разрушенія ихъ царства, изгоняемые, въ тревогѣ и тоскѣ рыскаютъ по улицамъ въ мрачномъ и огнезрачномъ видѣ, терзая, муча и увлекая встрѣчныхъ и поперечныхъ. Переряженные, или святошники, умышленно представляютъ воплощенныхъ дьяволовъ, и исторія Тюрпеня называетъ ихъ *личинами брадатыми*, *рога-*

стыми и похожими на *демоновъ*. Одинъ древній писатель объясняетъ силу отворaживанія масокъ тѣмъ, что онѣ своимъ страннымъ и нелѣпымъ видомъ удаляютъ очарованіе отъ самыхъ лицъ, кои ихъ носятъ (26). Но какъ личины сіи оскверняютъ людей (ибо, по изъясненію Нантскаго собора, *маски суть личины демоновъ*): то посему тѣ, которые рядились на Святкахъ, имѣли обыкновеніе очищаться купаньемъ въ рѣкахъ въ день Крещенія Господня.

Въ Новгородѣ — Святки извѣстны подъ именемъ *Окрутниковъ*, которые со втораго дня праздника Р. Х. до Богоявленія наряженные ходятъ по городу въ тѣ домы, гдѣ въ знакъ приглашенія ставятся на окнахъ, зажженныя свѣчи, и тѣшатъ хозяевъ шутками, каррикатурными представленіями, пѣснями и плясками. Въ Тихвинѣ о Святкахъ снаряжается большая лодка, которая ставится на нѣсколько саней и по улицамъ везется множествомъ лошадей, на коихъ сидятъ верхомъ окрутники. Сію лодку занимаютъ подъ разноцвѣтными флагами святочники въ разныхъ личинахъ и нарядахъ: они тамъ называются то *окрутниками*, то

---

26) см. Masken въ Allgemeine Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände. VII B. Leipz. 1830. 8.

кудесниками, то *куликами* и *щеголями*. Во время поѣзда они поютъ, играютъ на разныхъ инструментахъ и выкидываютъ разныя штуки. Толпы народа провожаютъ ихъ, а зажиточные граждане подчуютъ ихъ виномъ и кушаньемъ. Въ Новгородской и Вологодской Губерніяхъ Святки донынѣ называются *Кудесами*, такъ какъ въ лѣтописяхъ чародѣи, колдуны, *арбуи* — *кудесниками* и *кобниками*, которые гадали и вѣроятно *кудесили*, какъ *колдуны*, и *кобенились*, какъ *Шаманы*; а въ 41 главѣ Стоглава запрещается *кудесы бить*. Архіепископъ Новгор. Макарій въ XVI вѣкѣ посылалъ инока Илію для истребленія *кудесъ* въ Новгород. пятинахъ и погостахъ. Новгородцы еще въ XII вѣкѣ ходили гадать къ *кудесникамъ* (чудесникамъ?), которые умѣли призывать бѣсовъ; ибо Чудь, или Финны и отъ самыхъ Скандинавовъ почитались величайшими колдунами и чародѣями, а земля ихъ — страною чудесъ и превращеній. По всему видно, что *кудесы* означали гаданія и чарованія, кои составляли часть языческой религіи у Чуди и Славянъ. Въ Торопцѣ, Псковской Губерніи Святки слывутъ *Субботками*. Тогда незамужнія дочери Торопецкихъ обывателей собираются въ домы бѣдныхъ, но честныхъ вдовъ, у коихъ дѣлаются къ етому случаю

нарочныя приготовленія: для посѣтительницъ устроиваются скамейки уступами съ полу до потолка, въ родѣ амфитеатра; посреди горницы вѣшается огромный фонарь, сдѣланный изъ цвѣтной бумаги, украшенный разноцвѣтными лентами и со множествомъ свѣчь. По сторонамъ горницы ставятся скамейки для мущинъ. Богатыя и бѣдныя Торопчанки, одѣвшись, какъ можно лучше, по своему старинному обычаю, вмѣняютъ себѣ въ обязанность присутствовать на Субботкахъ. Когда всѣ мѣста въ етомъ амфитеатрѣ займутся дѣвицами: тогда отпираются запертыя до того ворота и начинается пріѣздъ холостыхъ мущинъ. При входѣ каждаго гостя, дѣвушки величаютъ его пѣснями, кои изстари поются на Субботкахъ, съ припѣвомъ къ каждому стиху:

Дунай, Дунай! многолѣтствуй
И съ твоею полюбовницей!

Гости должны платить за ету честь; собранныя деньги остаются въ пользу бѣдной хозяйки. На етомъ праздникѣ женихи высматриваютъ себѣ невѣстъ, а невѣсты жениховъ. Женатые и замужніе не допускаются на Торопецкія субботки (27). — Въ другихъ странахъ великой Россіи *игрища свя-*

---

(27) Сообщено отъ Н. Н. Нефедьева,

точны различествуютъ между собою только нѣкоторыми обрядами и обычаями мѣстными, кои къ нимъ примѣшиваются.

Святочныя игры издревле, какъ видно изъ Кормчей и Стоглава, состояли въ *безчинномъ говорѣ*, *нощномъ плещованіи*, *бѣсовскихъ пѣсняхъ*, *въ козлогласованіи и баснословіи*, *скаканіи* и такъ называемыхъ *бѣсовскихъ играхъ*, какими именовали церковные учители *переряживаніе*, *загадываніе* и т. п. Отечественная Исторія свидѣтельствуетъ, что и Царь Иванъ Васильевичъ съ опричниками своими маскировался, подобно скоморохамъ, и казнилъ К. Рѣпнина за то, что онъ не позволилъ надѣть на себя личины (28). Петръ I любилъ святочныя игрища, въ коихъ и самъ участвовалъ, какъ выше замѣчено нами. Въ его время святочныя игры бывали не только въ городахъ и въ сельскихъ пріютахъ, но и въ Царскихъ теремахъ, гдѣ Царевны святочничали съ верховыми сѣнными дѣвушками и боярынями. Патріархъ Іоакимъ въ 1684 году описываетъ Московскія Святки: „Тогда ненаказанніи мужескаго полу и жен-„скаго собрався многимъ числомъ, отъ спа-

---

(28) *Карамз.* И. Г. Р. т. IX. 2 изд.

„рыхъ и молодыхъ мужи съ женами и дѣвки „ходятъ по улицамъ и переулкамъ къ бѣсноватымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сложеннымъ „ими, многія сквернословія присовокупляютъ, „и плясанія творятъ на разженіе блудныхъ „нечистотъ и прочихъ грѣхопаденій, и пре„образующеся въ неподобная отъ Бога соз„данія, образъ человѣческій премѣняюще, бѣ„совское и кумирное личатъ, косматые, и „иными бѣсовскими ухищреньми содѣянные „образы надѣвающе, плясаньми и прочими „ухищреньми православныхъ Христіанъ прель„щаютъ; такожъ и по Рождествѣ Христовѣ „въ 12 днѣхъ до Крещенія Господа нашего І. „Христа таковаяжъ бѣсовская игралища и „позорища содѣваютъ.“ Въ Бѣлгородѣ и Обоянскѣ, по свидѣтельству М. Мисаила, въ XVII вѣкѣ о Рождествѣ Хр. и до Богоявленія сбирались по вечерамъ и въ нощи на *бѣсовскія игры.* — Такое изображеніе народнаго маскерада, или святочничества въ концѣ XVII вѣка сходно съ обрядами Римскихъ, Готскихъ, Скандинавскихъ и Нѣмецкихъ подобныхъ игрищь. Наряженые являлись въ домы, плясали, разсказывали прибаутки: или представляли какую нибудь сцену изъ жизни, или шутку. Натѣшивъ гостей въ одномъ домѣ, они переходили въ другой.

§ 2. Въ составъ святочныхъ обрядовъ особенно входитъ *гаданіе*, которое по естественнымъ и искусственнымъ знакамъ старается узнать будущій жребій человѣка. Вѣрованіе въ гаданіе основывается на отношеніи неизвѣстности судьбы, или рока, къ свободѣ воли человѣческой; у Славяно-Руссовъ было оно общее со многими народами древности и новыхъ временъ. Въ Язычествѣ оно составляло одну изъ главныхъ стихій богослуженія, а при переходѣ отъ Язычества къ Христіанству, оно преслѣдуемо было какъ суевѣріе подъ именемъ *ворожбы;* въ Христіанскомъ же мірѣ удержалось подъ видомъ народной забавы, правомъ давности и силою привычки. Руское слово *гаданіе*, по производству и знаменованію, сродно съ Еврейскимъ словомъ Gad, или *Δαιμόνιον*, богиня счастія, какъ видно изъ выше приведеннаго мѣста Исаіи Пророка 65, 11 (29). Самое дѣйствіе, т. е. *гаданіе*, divinatio, есть служеніе *Гадѣ*, богинѣ счастія, отъ коей узнавали свой жребій посредствомъ различныхъ знаменій при жертвоприношеніи. Чешское слово Gadám значитъ испытывать, изслѣдовать: что предполагается въ любопытствующихъ о своей участи. *Гаданье* есть видъ *ворожбы* (Wahrsagen); первое, основываясь

(29) *Рейфовъ* Словарь производитъ гадать отъ Санскрит. Gad развѣдывать.

болѣе на случайныхъ, но естественныхъ явленіяхъ или знакахъ, открываетъ тайное, будущее, а другая производится подъ вліяніемъ сверхъестественныхъ, *враждебныхъ силъ* ко вреду однихъ и къ пользѣ другихъ. Въ старинномъ Рускомъ языкѣ *гадать* принимается въ смыслѣ *думать* (30). *Волхвованіе*, по толкованію Стоглава, *бѣсовское служеніе*, имѣетъ одинакое значеніе съ *колдованіемъ*; ибо то и другое относится къ Астрологіи, въ коей упражнялись *Волхвы* и *Халдеи*. См. выше на стр. 2 о хожденіи съ звѣздою. *Чарованіе* (Zauberey) и *обаяніе* сословны, но способами различны. „Чарованіе, по изъясненію мірскаго „Потребника 1639 г., есть, еже обаваніемъ и „призываніе бѣсовъ (чертей) нѣкое дѣяніе „яковолюбо, на вредъ инымъ" (31).

Способы гаданія бываютъ естественные или искуственные, какіе встрѣчаются не только у Восточныхъ народовъ, но у Грековъ, Римлянъ и Славянъ. Къ первымъ принадлежатъ примѣты, наблюденіе естественныхъ явленій, на пр: *птицеволхвованіе* (auguria,

---

(30) *Карамз.* И. Г. Р. ч. IV. прим. 380.

(31) *Волхвъ* на Сканди. Alfve, или Olfve, духъ, жрецъ. Въ Славенорос. Лексиконѣ *Памвы Берынды*, 1631 г., „Кудесникъ, *чортъ* или *чаровникъ* въ Москвѣ нарицается." По Богемски *Чартъ*.

auspicia), а къ другимъ производимыя искусствомъ, на пр: *Κηρομαντεία, литье воска* и т. п.

Благопріятнѣйшимъ временемъ для гаданій почитается ночь, особливо полночь. Важнѣйшія изъ нихъ на канунахъ Новаго года, или въ *Овсень*, и Крещенія, или *Свѣчи*.

Гадающіе собираютъ кольца, перстни, запонки, сережки и другія вещицы, кладутъ ихъ въ блюдо съ кусочками хлѣба и накрываютъ полотенцемъ, или ширинкою. Сначала поютъ *пѣсню хлѣбу и соли*, потомъ другія подблюдныя пѣсни; по окончаніи каждой, запустивъ руку въ накрытое блюдо подъ его покровъ, ловятъ что попалось. Къ етому примѣнялось содержаніе пѣсни, изъ коего выводятъ себѣ предвѣщаніе (32), на пр:

Летитъ соколъ изъ улицы,
Голубушка изъ другой;
Слеталися, цѣловалися,
Сизыми крыльями обнималися.

Послѣ присужалось, что дѣлать за выкупъ вещей. Послѣднему, когда оставалась одна вещица, пѣли обыкновенно свадебную пѣсню: *дорогая моя гостейка*, и кольцо катили по полу, загадывая, въ какую сторону оно покатится: если покатится къ дверямъ —

---

(32) Dissertations sur les antiquités de la Russie, par *M. Guthrie*, à S. Pet. 1795, in 12.

дѣвушкѣ къ замужству, мущинѣ — дорога (32). За подблюднымъ загадываніемъ, по сущности своей столь сходнымъ, какъ мы замѣтили, съ Греческими *κληδών* и *κληδόνισμα*, слѣдуетъ *хороненіе золота*.

Въ Руской символикѣ золото играетъ важную роль. Изъ отечественной лѣтописи видимъ, что Рускіе, при договорѣ съ Греками, полагая золото предъ Перуномъ и Волосомъ, клялись, что если нарушатъ договоръ, то да *будутъ золоты яко золото*, и что Югорскіе Князья давали себя Великому Князю на *опасъ* и въ знакъ вѣрности *пили воду съ золота* (33). Это подтверждаетъ самая поговорка о чемъ либо имѣющемъ сбыться: *Съ твоего слова, какъ съ золотаго блюда*.—*Хороненіе жъ золота* должно быть однимъ изъ древнихъ повѣрьевъ и обрядовъ. Оно теперь состоитъ въ томъ, что сидящимъ дѣвицамъ и мущинамъ тихонько дается оставшееся отъ подблюдной пѣсни кольцо, которое они тайкомъ передаютъ другъ другу: между тѣмъ одна или одинъ ищетъ его, при пѣніи обрядовой пѣсни, до тѣхъ поръ, пока не найдетъ. Пой-

---

(33) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8. стр. 58—67. (33) *Карамз.* И. Г. Р. VI, прим. 461. — Евреи также клялись *златомъ* храмовымъ, какъ видно изъ *Ев. Матвея*, XXIII, ст. 16.

манный опять начинаетъ отыскивать и т. д. Дѣвушки также выходятъ ночью на улицу спрашивать перваго встрѣшняго объ имени, вѣря, что етимъ именемъ будетъ называться ихъ суженый. Изъ Стоглава видимъ, что *оклички* были древнимъ у народа суевѣріемъ. Гадальщики и гадальщицы ходятъ слушать подъ окны чужихъ домовъ и, судя по услышаннымъ ими словамъ, веселому или непріятному разговору, предрекаютъ себѣ пріятную или скучную жизнь въ замужствѣ. Онѣ въ полночь у церкви слушаютъ подъ замкомъ; и если тамъ почудится имъ печальное или радостное пѣніе: то выводятъ изъ перваго предвѣщаніе себѣ смерти, а изъ другаго свадьбы. — Кромѣ етихъ, бываютъ еще слѣдующія гаданія, во многомъ сходныя съ Римскими авгуріями, Скандинавскими и Германскими ворожбами и вѣроятно съ Мерянскими или Финнскими кудесами.

„Снявъ съ насѣсти куръ, приносятъ въ ту горницу, гдѣ заранѣе приготовлены въ трехъ мѣстахъ вода, хлѣбъ, кольцы золотыя, серебряныя и мѣдныя. Если чья курица станетъ пить воду — мужъ будетъ пьяница; если станетъ ѣсть хлѣбъ — то мужъ будетъ бѣднякъ; если возьметъ кольце золотое — мужъ будетъ богачь, если серебряное — то средняго состоянія, еслижъ мѣд-

ное — то нищій (34). Въ Костромской Губ. о Святкахъ холостые парни и дѣвицы ходятъ въ курячьи хлѣвы, и зажмуривъ глаза, снимаютъ курицу съ насѣсти (насѣдала). Какого цвѣта курица, такого будетъ, по примѣтѣ, суженый или суженая." Въ Сибири выпускаютъ на средину комнаты курицу съ пѣтухомъ и замѣчаютъ, если пѣтухъ гордо расхаживаетъ и щиплетъ курицу, то мужъ будетъ сердитый; но если и курица храбрится передъ пѣтухомъ: то значитъ, что жена возьметъ верхъ надъ мужемъ."

„Выводятъ лошадей изъ конюшни чрезъ оглоблю или черезъ жердь. Если лошадь зацѣпитъ за оглоблю или жердь ногами: то мужъ будетъ сердитый, а житье несчастное; еслижъ перейдетъ, не зацѣпивъ, то мужъ будетъ смирной и житье счастливое. Такъ въ Ругенѣ предъ начатіемъ войны гадали жрецы объ успѣхѣ, переводя бѣлаго коня Свѣтовидова черезъ нѣсколько жердей, а въ Штетинѣ воронаго коня черезъ копья." Слѣды подобнаго гаданія находитъ въ Ярославской и Калужской Г. нашъ ученый юристъ Профессоръ Морошкинъ (35).

---

(34) Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собр. *И. Сахаровымъ.* Спб. ч. 1 и 2. 1837, въ 8.

(35) Опытъ Исторіи Росс. Государственныхъ Законовъ, сочин. *А. Рейца,* перев. *Ѳ. Морошкина.* М. 1836, въ 8.

„Выходятъ къ забору и говорятъ: „*Залай, залай, собаченька! Залай, сѣренькій волчекъ! Гдѣ собака залаетъ, тамъ мой суженой!*“ Въ которой сторонѣ дѣвушка услышитъ лай, въ той и будетъ жить за мужемъ. Чѣмъ ближе слышенъ лай, тѣмъ ближе будетъ жить: чѣмъ глуше, тѣмъ далѣе. Толстый, охриплый лай означалъ старика, а звонкій и тонкій — молодаго (36).“

„Бросаютъ башмаки черезъ ворота на улицу, потомъ выходятъ смотрѣть: въ которую сторону обращенъ онъ носкомъ, тамъ и быть за мужемъ; еслижъ башмакъ лежитъ обращенный къ воротамъ дома: то сидѣть въ дѣвкахъ етотъ годъ.“

„Какъ въ нѣкоторыхъ странахъ Германіи, такъ и въ Россіи о Святкахъ льютъ воскъ и олово въ воду, и по вылитымъ фигурамъ узнаютъ свой жребій, счастіе или неудачу, урожай или голодъ (37). Въ Потребникѣ 1639 г. *восколѣй* и *оловолѣй* называются чародѣями.“ „Растопивъ олово, опущаютъ въ воду на имя того, о комъ загадываютъ: когда

---

(36) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8. — Абевега Рускихъ суевѣрій и пр. соч. М. Ч. 1786, въ 8.

(37) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde von D. H. *Klemm*. Dresden 1836, въ 8.

выльется подобіе гроба, то предвѣщаетъ смерть въ тотъ годъ, если вѣнецъ — то замужство, еслижь домъ — то перемѣну жилья.“

„Если желаютъ дѣвицы знать, что случится въ слѣдующемъ году; то взявши три вещи: зборникъ, т. е. головной женской уборъ, часть хлѣба и штучку дерева, закрываютъ ихъ горшкомъ съ разными приговорами. Та дѣвица, которая желаетъ узнать свою участь въ наступающемъ году, закрывъ себѣ глаза, подходитъ къ горшку и беретъ себѣ попавшуюся вещь. Зборникъ значитъ замужство, часть хлѣба — сидѣнье въ дѣвкахъ, а штука дерева — гробъ (38).“ Такъ дѣлается у поселянъ въ Костромской Губ.

„Еще каждая дѣвица желая знать, проживетъ ли она етотъ годъ, беретъ въ руки березовую лучину, бѣгаютъ къ рѣкѣ или роднику, мочутъ въ водѣ лучину и возвратясь домой, зажигаютъ ее на огнѣ: у которой скоро загорится, той проживетъ етотъ годъ: а у которой не скоро загорается, той умереть.“

„Также въ Вельской и Шенкурской округахъ гадаютъ о годовой судьбѣ слѣдующимъ

---

(38) Свѣдѣнія о народныхъ праздникахъ въ Шенкурской и Вельской округахъ, рукоп. М. Мясникова, 1829.

образомъ: нѣсколько дѣвицъ взявши столешникъ, хлѣбъ, ножикъ и коровью сырую кожу, идутъ на перекрестокъ или на прорубь, разстилаютъ тамъ кожу, кладутъ на нее хлѣбъ и ножикомъ очерчиваютъ кругъ, въ коемъ и садятся, закрывъ себя столешникомъ, или скатертью, и ухвативъ другъ друга за мизинецъ, дѣлаютъ завѣщаніе, чтобъ судьба возвѣстила имъ, что случится съ ними въ наступающемъ году — и въ таинственной тишинѣ полночи слушаютъ: одной слышится, что ѣдутъ женихи большимъ поѣздомъ со звономъ колокольчиковъ, другой чудится, что на полѣ большое собраніе народа, знакъ обильной жатвы и пр. (39). Что̀ дѣлается не только въ Россіи, но и въ Шотландіи: по свидѣтельству В. Скотта, гадаютъ ночью, завернувшись въ сырую воловью или коровью кожу, садятся въ ожиданіи отвѣтовъ на сдѣланные вопросы, или имѣютъ видѣнія, коими открывается будущее гадающимъ (40).

„Надобно ли узнать имъ жениха своего: дѣвушки берутъ по клочку соломы, всклочивъ и перепутавъ ее въ комъ, кладутъ на столъ, на солому ставятъ желѣзную сково-

(39) Poetical works of S. *Walter Scott.* XII v. Edingb. 1823, 21.

(40) Сатирическій Вѣстникъ, ч. V. М. 1790, въ 72, стр. 73. о *Святкахъ.*

роду, а въ нее полагаютъ камень и льютъ нѣсколько воды; потомъ начинаютъ медленно выдергивать изъ подъ сковороды по соломенкѣ, отъ сотрясенія сковороды бряцаетъ и въ бряцаніи гадающія воображаютъ слышать имена своихъ суженыхъ.“

„Берутъ лучину, обвернутую льномъ, втыкаютъ ее въ щель и зажигаютъ; если лучина упадетъ на сторону, то примѣчаютъ, что туда же быть отданной въ замужство.“

„Въ стаканъ воды выпускаютъ бѣлокъ яичный, который и ставятъ въ печь. Черезъ нѣсколько времени, вынувъ стаканъ, примѣчаютъ, что или бѣлокъ подымется въ видѣ башни: то быть браку, а когда въ видѣ четвероугольника, то приближеніе смерти; браку же не быть, если бѣлокъ не подымется.“

„Въ сковороду наливается вода; потомъ на положенные въ нее камни кладутся растрепанные охлопки, кои, зажегши, накрываютъ горшкомъ. Если вода сильно заклокочетъ: то, по замѣчанію суевѣровъ, у невѣстки будетъ свекровь сварливая.“

„Пятясь задомъ къ полѣнницѣ дровъ, и взявъ полѣно, идутъ домой. Сколько на полѣнѣ сучковъ, столько будетъ и людей въ

томъ семействѣ, въ которое вступитъ; если полѣно безъ сучьевъ, то будетъ жить въ бѣдности и одиночествѣ; еслижъ шероховато: то въ богатствѣ.“

„Положивъ на полъ кольцо, крючекъ изъ соломы и кусокъ хлѣба, покрываютъ ихъ платкомъ, изъ подъ коего вынимаютъ: если вынется кольцо, то женихъ будетъ щеголь, если хлѣбъ — богачъ, еслижъ крючекъ — бѣднякъ, *бѣдный крюкъ*.“

„Дѣвка выходитъ на перекрестокъ, положивъ въ подолъ нѣсколько снѣгу, трясетъ его, приговаривая: „*Взлай, взлай, собака!* „*на моей сторонкѣ!*“ Съ которой стороны услышится голосъ, туда, примѣчаютъ, и отдадутъ въ замужство.“

„Ходятъ еще къ омету соломы, закинувъ голову назадъ, берутъ ртомъ соломинку; ежели она будетъ съ колосомъ; то примѣчаютъ, что вышедшая въ замужство станетъ жить богато, а бѣдно, если соломина попадется безъ колоса.“

„Также выходятъ дѣвки въ полночь на перекрестокъ и загадавъ о будущемъ своемъ женихѣ, очерчиваютъ кругъ, и стоя въ немъ, прислушиваются, и когда почудится имъ звонъ колокольчиковъ, или смѣхъ, или ве-

селое пѣніе, то заключаютъ, что быть за мужемъ; еслижъ послышится имъ плачъ, вой или унылое пѣніе, то значитъ умереть" (41). На перекресткѣ также смотрятъ и видятъ въ зеркалѣ суженаго и ряженаго (42).

„Садятся на лошадь, и завязавъ ей глаза, даютъ ей волю итти: куда она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ за мужемъ."

Въ полночь гадающія дѣвицы садятся у оконъ, приговаривая каждая: „Суженой, ря„женой! поѣзжай мимо окна". Ежели которая услышитъ поѣздъ съ крикомъ и свистомъ: то предрекаетъ себѣ жизнь веселую и счастливую, еслижъ поѣздъ тихій: то замужняя жизнь будетъ въ бѣдности.

Въ началѣ еще XVII вѣка существовало въ Россіи *гаданіе на бобахъ*, какъ видно изъ вышеприведеннаго Потребника мірскаго, гдѣ запрещается *вѣровать бобамъ*, и изъ пословицы народной: *Чужую бѣду бобами раз-*

---

(43) см. Народные праздники и обычаи Костромской Губерніи, особенно въ Нерехотскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ, М. Я. *Діева* и Ю. Н. *Бартенева*.

(42) Абевега Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва, 1786, въ 8.

веду, къ своей бѣдѣ ума не приложу. см: 1 часть сей книги, стр. 28.

По шакимъ способамъ гаданія, узнавъ состояніе, нравъ и имя жениха, пыппливыя невѣсты желаюшъ еще видѣшь своего суженаго въ лице и даже поговоришь съ нимъ. Ешо важное и страшное гаданіе совершаешся въ самую полночь.

„Въ шемномъ покоѣ сшавяшъ на сшолъ зеркало, а предъ зеркаломъ зажженая свѣча. Дѣвица одна одинехонька входишъ въ покой, смошришъ черезъ свѣчу въ зеркало и видишъ своего суженаго. Когда она скажешъ *чуръ меня*: явленіе исчезаешъ.

Въ Сибири сшавяшъ два зеркала одно прошивъ другаго: передъ однимъ дѣвица сама сшавила на сшолъ двѣ свѣчи, а другое позади себя, очершивъ лучинкою, коею зажженъ былъ огонь въ сочельникъ, и глядѣла въ зеркало присшально. Сначала будшо зеркало подергивалось шуманомъ, пошомъ мало по малу прояснялось и суженой глядѣлъ черезъ плечо дѣвицы. Тогда надобно было зачурашься, а не оглядывашься (43).

---

(43) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837 г. въ 8. — Записки о нравахъ, обычаяхъ и повѣрьяхъ Нерехошскаго уѣзда, М. Я. *Діева.*

„Накрывъ *столъ* или *ужинъ для суженаго*, о которомъ мы намекнули выше, при сравненіи съ Еврейскими и Скандинавскими древностями. Для етого ставятъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, и около полуночи дѣвушка, пытающая судьбу свою, садится за столъ одна, очерчивается и говоритъ: *Суженый ряженый! приди ко мнѣ ужинать.* Лишь только пробьетъ полночь, является женихъ въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ будетъ на сговорѣ, и садится за столъ. На всякій случай берутъ съ собою пѣтуха для того, что если не поможетъ зачуранье и гость засидится: то надобно хорошенько давнуть пѣтуха — онъ запоетъ и все исчезнетъ." Признаки приближенія суженаго слѣдующіе: вѣтръ завоетъ и свиститъ подъ окнами; въ ставни и дверь стучатся, понесетъ смрадный запахъ, предшественникъ суженаго. Разумѣется, что о подобныхъ гаданіяхъ есть въ народѣ много преданій и чудесныхъ разсказовъ, кои дѣйствуютъ на воображеніе.

Къ святошнымъ гаданіямъ принадлежатъ также *сновидѣнія* (44), кои почитаются тогда

---

(44) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

за предсказанія. Къ нимъ дѣлаютъ слѣдующія приготовленія:

„Собравъ изъ прутиковъ мостикъ, кладутъ его подъ подушку. Дѣвушка ложась спать, приговариваетъ: „Кто мой суженой, „кто мой ряженой, тотъ переведетъ меня „черезъ мостъ!“ Суженой является во снѣ и переводитъ за руку чрезъ мостъ.“

„Берутъ наперстокъ соли, наперстокъ воды, смѣшиваютъ все и глотаютъ. Ложась спать, дѣвушка говоритъ: „Кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ мнѣ пить „подастъ“. Суженой пригрезится во снѣ и подаетъ пить.

„Также кладутъ подъ подушку гребенку съ такими словами: „Суженой, ряженой! „причеши мнѣ голову.“ Онъ будто является и чешетъ голову и т. д.

Подобныя жъ гаданія наблюдаются и въ другихъ Губерніяхъ, только съ нѣкоторыми отмѣнами.

Гаданія на сонъ совершаются дѣвушками по указанію старухъ, опытныхъ въ етомъ дѣлѣ. Особенный предметъ гаданій *суженый ряженый*, сходный съ Скандинавскимъ Iule-Vaetter, означаетъ роковаго, назначаемаго *судь-*

бою и *рядомъ*, т. е. определеніемъ; ибо въ простонародномъ языкѣ и бракъ называется *судьбою*, какою располагала въ старину у Русскихъ не одна воля дѣтей, а воля родителей.

§ 3. Въ составъ святочныхъ игръ входятъ и *загадки*, кои передаются изъ рода въ родъ. Етотъ способъ представленія предмета околичностями, сходный съ символическимъ способомъ изображенія и столь благопріятный нравственной цѣли, имѣлъ отчизну свою на древнѣйшемъ Востокѣ; онъ сроденъ и Рускому народу, который гораздъ на выдумки и смѣтливъ — у него издревле ведутся загадки. Въ старинной сказкѣ XVI вѣка *о купцѣ Кіевскомъ* изображается *гордый Сміанъ*, который загадывалъ загадки странникамъ и кои разгадалъ Кіевлянинъ Борзосмыслъ (45). Особенно время годовыхъ гаданій бываетъ порою и загадокъ, кои нерѣдко имѣютъ форму шарадъ и логогрифовъ: обыкновенно ихъ предлагаютъ старые и *бывалые* молодцамъ и дѣвицамъ для испытанія ихъ догадливости и смѣтливости, напр:

„Мать толста, дочь красна, сынъ хоро-„беръ въ небеса ушелъ.“ (Печка, огонь, дымъ.)

или „Выду я на гой, гой, гой, и Ударю „я гой, гой, гой! Разбужу Царя въ Москвѣ,

(45) *Карамз.* И. Г. Р. т. VII, прим. 411.

Короля въ Литвѣ, старца въ кельи, дитю въ колыбели, попа въ терему." (Колоколъ.)

Между загадками разсказывались и сказки о старомъ житьѣ-бытьѣ, присказки, и прибаутки, которыми обвеселялась бесѣда.

Какъ пѣсни, такъ и сказки и загадки различаются по мѣстности, которая вкупѣ съ временемъ кладетъ на нихъ свою печать (46).

§ 4. Выше замѣтили мы, что къ Святкамъ относятся нѣкоторые обычаи, родившіеся въ Хрістіанскомъ мірѣ у Славяно-Рускихъ и состоящіе изъ Хрістіанскихъ воспоминаній о Рождествѣ Спасителя. Таково *хожденіе* по домамъ съ *вертепомъ* и *звѣздою* и *славленье* дѣтей, сходное съ западною *Калєндою*, которое заключается въ чтеніи рацей, сочиненныхъ на етотъ случай. Хотя первое болѣе употребительно въ малой и бѣлой Россіи; однакожъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ странахъ Сѣверной Россіи и даже въ Сибири. Въ Шенкурской и Вельской округахъ съ 25 Декабря цѣлую недѣлю ходятъ ребяты со *звѣздою*, сдѣланною

(46) см. *Загадки* во 2 части Сказаній Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собр. И. *Сахаровымъ*. Спб. 1837, въ 8.

изъ бумаги, въ аршинъ величиною, съ разными прикрасами и освѣщаемою свѣчами. Пришедши подъ окны дома, сперва поютъ они тропарь и кондакъ празднику, а потомъ *виноградье* (см. пѣсни): между тѣмъ звѣзда безпрестанно круговращается. Пропѣвъ виноградье, поздравляютъ хозяина и хозяйку съ праздникомъ, наконецъ восклицаютъ: *на славу Божію;* етимъ они просятъ себѣ подачи. Тогда хозяинъ приказываетъ одному изъ славильщиковъ войти къ себѣ и даетъ ему денегъ. Такая звѣзда, хожденіе съ нею и пѣніе виноградья вообще тамъ извѣстно подъ именемъ *Коледы.*

Въ Сибири также ходили *съ вертепомъ*, который былъ ящикъ о двухъ ярусахъ: въ немъ представляли деревянными фигурами разныя сцены, относящіяся къ Рождеству Хрістову: явленіе Ангеловъ, поклоненіе Волхвовъ; бѣгство во Египетъ. Въ верхнемъ ярусѣ вертепа представлялась смерть Ирода, а въ нижнемъ пляски. При етомъ обыкновенно дьячекъ зажигалъ свѣчи, коими освѣщался вертепъ, а трапезникъ гасилъ ихъ; у одного былъ за плечами кузовъ, у другаго въ рукахъ тарелка, на которую клали деньги. Съ вертепомъ хаживали мальчики, иногда въ

сопровожденіи гудочника или скрипача (47). см. ч. I, стр. 166.

Хотя въ Россіи не было западнаго *праздника трехъ Царей;* но со временъ Царя Алексія Михайловича введено въ обыкновеніе ходить Государямъ о Святкахъ *славить* даже къ подданнымъ своимъ. Въ такомъ отношеніи слово *славить* значитъ хвалить, благодарить; соотвѣтствуетъ Греческому ἐπευχαριστεῖν, и Лат. laudare, colere, такъ какъ *слава* созвучна съ перестановленными буквами въ словѣ laus. Славленье это начиналось по полудни праздника слѣдующимъ образомъ: Процессіи предшествуютъ двое чиновниковъ, съ барабанами въ рукахъ и ударяютъ въ нихъ палочками, обернутыми сукномъ. За ними слѣдуетъ Царь со всѣмъ клиромъ и съ толпою Князей и Бояръ: они ѣдутъ на саняхъ и посѣщаютъ знатнѣйшихъ придворныхъ вельможъ. По вступленіи въ домъ къ кому либо, поютъ *Тебе Бога хвалимъ* и поздравляютъ съ новымъ годомъ. Потомъ хозяинъ подноситъ Царю подарокъ деньгами и угощаетъ его со свитою. Послѣ угощенія, они

---

(47) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8.

отправляются къ другому вельможѣ (48). „Московскіе Государи“, говоритъ Бруинъ въ своемъ путешествіи (49), 1649 года, „по„сѣщаютъ знатнѣйшихъ изъ своихъ поддан„ныхъ и чужестранцевъ предъ праздникомъ „Богоявленія. Въ такомъ случаѣ ихъ угоща„ютъ: и ето называется *славленьемъ*. Царь „ходитъ, сопровождаемый Князьями, Боя„рами и другими царедворцами. Ета церемо „нія началась 1702 года Января 3. Перваго „Бранса Царь Петръ I посѣтилъ въ 9 часовъ „утра; съ нимъ пріѣхало около 300 человѣкъ „на саняхъ и верхомъ. Столы покрыты были „различными лакомствами, сперва подавали „холодныя, а потомъ горячія кушанья. Весе„лость была непринужденная и напитки ли„лись щедрою рукой. Около 3 часовъ Его Ве„личество со всѣмъ своимъ дворомъ отпра„вился къ Лупсу, гдѣ было такоежъ угоще„ніе, потомъ въ другія мѣста, наконецъ вся „его свита поѣхала отдыхать въ домы, на„рочно для етого построенные.“ Изъ совре-

(54) *Constantini porphyrog.* libri II, de ceremoniis aulae Byzantinae, edit. I. Leichii et I. Reiskii, Lipsiae. 1754. f. —; Haybold's Beylagen zur verändert. Russland. Leipz. 1769—70, I T. in 8.

(49) *Bruyn* Corn. travels into Muscovy, Persia and Eastindiens. London. 1737, 2 v. f.

менныхъ записокъ видно, что наказываемы были кнутомъ и батогами тѣ, которые уклонялись отъ славленья. У Желябужскаго въ лѣтопись внесено, что „Григорій Камынинъ „битъ плетьми за то, что бывъ написанъ „въ *славленье*, да не ѣздилъ" (50). При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, о Рождествѣ Христовѣ давалась придворнымъ пѣвчимъ дача, извѣстная подъ именемъ *славленаго* (жалованья). Ето-то *Коляда;* и теперь, вмѣсто *колядовать*, по Руски можно сказать *славить*.

Петръ I съ Января 1, 1700 года, установивъ праздновать *новолѣтіе*, по Европейскому обычаю, велѣлъ украшать домы зелеными вѣтвями, освѣщать улицы и т п. Но ето уже было гражданскій Государственный праздникъ, а не народный, который изо всѣхъ особенно отличался множествомъ обрядовъ, примѣтъ и воспоминаній, въ коихъ представляется разнородная смѣсь языческихъ стихій съ христіанскими, коренныхъ отечественныхъ съ привитыми иноземными, древнихъ обычаевъ съ новыми.

---

(50) Дѣянія Петра I. т. 2. изд. 2. М. 1837, въ 8.

Какъ всѣ народные праздники въ началѣ своемъ были религіозные и болѣе или менѣе сходные между собою, кромѣ мѣстныхъ различій: такъ и *Коледа* и *Святки*, извѣстныя почти во всемъ Славянскомъ мірѣ, даже по формѣ своей заключаютъ въ себѣ не одну игру фантазіи младенчествующаго народа, но и миѳическое значеніе, заимствованное изъ Языческаго міра. Протекши разныя епохи Рускаго народа, етотъ праздникъ удержался въ преданіяхъ, получилъ отъ народной жизни и характера новое развитіе и новое названіе. Какъ на материкъ земли время накладываетъ разные новые слои: такъ и къ народности прививаются чуждыя повѣрья и обычаи, соотвѣтственно современнымъ понятіямъ. По сродной человѣчеству олицетворяемости и Коляда празднество, по примѣру Римскаго двуликаго Януса, въ послѣдствіи обращено въ Кіевское божество мира и торжествъ, какими обыкновенно оканчивалось прошедшее лѣто и начиналось новое (51); но вѣроятно она совершалась въ честь древнихъ отечественныхъ божествъ, Перуна, или Даж-

---

(51) Опытъ повѣствованія о Древностяхъ Рускихъ, *Гавр. Успенскаго*, 2 ч. изд. 2, Харьковъ, 1818, въ 8.

ба, или Волоса, предъ которыми клялись, полагая *золото*, на которыхъ намекаетъ *хороненіе золота и гаданіе*. Такимъ образомъ древній обрядъ обращенъ въ миѳическое лице и, какъ укоренившійся давностью обычай, вошелъ въ составъ жизни народной и сѣмейной.

Коледа и Купало, въ Славяно-Рускомъ мірѣ, имѣя связь съ солнцестояніями зимнимъ и лѣтнимъ, составляютъ два главнѣйшія и важнѣйшія празднества въ году, къ коимъ должны имѣть отношеніе и другія торжества. Славянское *коло, или колесо*, символъ солнечнаго оборота и коловратности судьбы человѣческой (52), въ Коледѣ выражается одинаково и Скандинавскимъ Iol, Iuel, (юла?) и Финнскимъ Ioulu и Индійскимъ Houli и Греческимъ *κύκλος*: такъ какъ въ *коледованіи* подобозвучными словами Новогреч. *κοιλαδεῖν* пѣть, Санскрип. Kahala восклицновеніе и Скандин. Kallada восклицать, проявляется дѣйствіе или движеніе болѣе духовное. По времени и сущности Святочныя игры соотвѣтствуютъ Египетскому празднику Озирида или Ора, сопровождавшемуся гаданіями о жребіи, Римскому Natalitia invicti Solis, Индійскому

(52) Eddae Saemundinae. v. II et III. Havniae. 1828. in 4.

Перунъ-Понголъ съ *Угадами* и Англо-Саксонскому *Moedrenecht*. О древности этого празднества на Сѣверѣ свидѣтельствуетъ Прокопій Византіецъ VI вѣка, какъ выше замѣчено нами. *Коледа* же перешла поздно на Сѣверъ Россіи съ Юга и Запада, гдѣ она съ незапамятныхъ временъ проявилась. Въ Святочныхъ обрядахъ — *гаданіи* и *переряживаніи* — замѣтно стремленіе къ общенію съ міромъ духовнымъ и внутренняя ихъ связь съ Демонологіею и Астрологіею. Какъ Язычество превращалось въ Демонологію, а языческія божества въ *демоновъ*, *чертей*, *оборотней*, какими онѣ называются и въ церковныхъ книгахъ и слывутъ въ народѣ: то и въ нашихъ Святочныхъ игрищахъ мы находимъ слѣды этого вѣрованія, какое встрѣчаемъ у Грековъ въ среднія времена. см. выше стр. 32. И нынѣшніе Греки также вѣрятъ, что въ мрачныя ночи зимы, особливо со дня Рождества Христова до Богоявленія, шатаются оборотни (*καρκάντζαλοι*), *Савазіи* (53), *Паганіи* (54), или

(53) Ὁ λύκος Σαβατιανός, волкъ-оборотень — происходитъ, по мнѣнію Свиды, отъ Савазій, то же что Вакхъ. см. *Потребникъ*. 1639 г. л. см. въ *Вѣстникѣ Европы* 1827, No 8, ст. Обычаи, повѣрья и праздники нынѣшнихъ Грековъ.

(54) *Паганій* Греки представляютъ тощими колдунами съ головою осла и хвостомъ обезьяны. ср. *Tacili* Hist. V. 3, 4.

Онокентавры, похожіе на черныхъ Алфовъ у Датчанъ, Шведовъ и Норвежцовъ. Нечистыя сіи твари, по мнѣнію простолюдиновъ, не что иное суть, какъ Жиды ослопоклонники, ищущіе Мессіи съ тѣмъ, чтобы погубить его въ колыбели. Что у Нѣмцевъ die Knecht Ruperte, у Исландцевъ Púki, у Ирландцевъ Pooka, то у Рускихъ *Бука*, которымъ о Святкахъ пугаютъ дѣтей. Послѣ освященія воды въ Богоявленіе немедленно исчезаютъ сіи чудища и воздухъ очищается отъ заразительнаго ихъ дыханія. Вѣроятно по етому, наряжавшіеся страшилищами или святочниками для очищенія купаются въ Іорданѣ.

Предметъ Святочныхъ миѳовъ природа и жизнь — предметъ гаданій главнѣйшія условія человѣка въ опредѣленномъ кругу времени: жизнь, смерть, свадьба, урожай и неурожай и другіе случаи житейскіе. Самый мракъ и безмолвіе роковыхъ святочныхъ ночей соотвѣтствуютъ таинственности обрядовъ, кои предшествуютъ такъ называемымъ въ лѣтописяхъ *Свадебнымъ недѣлямъ*, продолжающимся отъ Водокрещей до Масляницы. Святочныя игры развились на нашемъ Сѣверо-Востокѣ вмѣстѣ съ развитіемъ общественной жизни. По мѣрѣ сближенія Рос-

сіи съ Европейскимъ Западомъ переселялись въ нее тамошнія *заморскія* повѣрья, миѳы и обряды, напоминающіе о древнемъ сродствѣ съ Греками, Римлянами и Нѣмецкими племенами, и примѣшавшись къ коренным, туземнымъ обычаямъ, у насъ обрусѣли: отъ сего въ нашихъ Святочныхъ играхъ встрѣчаются *Готскія*, бывшія въ Византіи. При переселеніи Готовъ подъ предводительствомъ Одина III, онѣ могли перейти къ Славянамъ, если еще прежде не заимствованы первыми отъ послѣднихъ; ибо, по свидѣтельству Скандинавскихъ историковъ, тогда часть Готовъ, или Азовъ, двинулась отъ Азовскаго къ Балтійскому морю, а оттуда къ Сѣверо-Востоку.

Польскими жартами (55) именовалось особенно наряжанье козами, медвѣдями, журавлями и т. д. Нѣкоторыя изъ Святочныхъ игръ въ Россіи, какъ-то: *фанты* (fanty), *жмурки* (slepa babka) и пр., сходны съ Польскими (56). Все это ведетъ къ заключенію, что *маскированіе* и *переряживаніе* о Святкахъ перешли къ намъ съ Запада и по сему-то личины, налич-

---

(55) фартами. см. Москва, или историческій путеводитель. ч. 3. М. 1831, примѣч. 3. въ 8.

(56) см. Ubiory w Polszeze, t. I. Lud Polski, t. II. Gry i zabawy, t. III.

ники, хари, маски называются *Латинскими*. Чтожъ касается до *гаданій*, то онѣ должны быть у насъ народными, древнѣе первыхъ, и проистекаютъ изъ кореннаго вѣрованія и быта, какъ видно изъ лѣтописей. Гаданія соединяются съ *пѣснопѣніями*, кои, не смотря на случайныя искаженія, носятъ на себѣ печать миѳическую и признаки древнѣйшаго сродства или сосѣдства Славянъ съ Греками, Скандинавами и Финнами, у которыхъ находимъ слѣды подобныхъ обрядовъ и пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ святочныхъ пѣсенъ прямо свидѣтельствуютъ о переселеніи однихъ обрядовъ съ Дуная въ предъисторическія времена, а другихъ изъ Новагорода, союзника Ганзейскаго, на Московщину, вѣроятно, не прежде XVI вѣка; ибо въ первыхъ упоминается далекій отъ нашего Сѣвера *Дунай* и неизвѣстный у насъ въ Древности *виноградъ*, а въ послѣднихъ — *Новгородъ*; какъ-то:

Шла Коледа изъ Новагорода —
Шла щука изъ Новагорода и т. д.

Одинаковыя въ сущности, онѣ получили отъ мѣстности нѣкоторыя особенныя различія въ словахъ и оборотахъ.

I.

КОЛЯДСКІЯ ПѢСНИ И ВИНОГРАДЬЕ.

1.

Виноградье красно, почему спознать:
Что Устиновъ домъ Малафеевича,
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тынь;
Ворота у него дощатыя,
Подворотички рыбья зубья, (α)
На дворѣ у него да три терема: (β)
Во первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко;
Во третьемъ терему часты звѣзды:
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ.
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки;
Да, дай Боже, Устину Малафеевичу,
Съ борзыхъ коней сыновей женить,
Да, дай, Боже, Улитѣ Хавроньевнѣ
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиковъ!
Наша коляда ни рубль, ни полтина;
А всего полъалтына. (*)

(*) См, Абевега Рускихъ суевѣрій. М. 1786, въ 8, стр. 224.

2.

Прикажи, сударь хозяинъ, ко двору пригппи,
Виноградье красно зеленое.
Прикажитко ты, хозяинъ, *коледу* просказать,
Виноградье и проч.,
Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по Кремлю городу,
Виноградье и проч.,
Уже ищемъ мы, ищемъ господинова двора:
Виноградье и проч.,
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ;
Виноградье и проч..
На седьми верстахъ, на осьмидесять столбахъ,
Виноградье и проч.;
Что же около двора, да желѣзной тынъ,
Виноградье и проч.,
Что на всякой же тычинкѣ по маковкѣ,
Виноградье и проч.,
Что на всякой же по крестику;
Виноградье и проч.,
Что на всякомъ же крестику по жемчужку,
Виноградье и проч.,
А среди того двора, что три терема стоятъ,
Виноградье и проч., (*)

(*) Въ Устюгѣ Великомъ. см. Руководство къ физическому описанію областнаго города Устюга великаго; соч. Штабъ-лѣкаря *Я. Фриза*, 1793 г.

Что три терема стоятъ златоверховаты,

Винограднье красно зеленое.

Что въ первомъ терему красно солнце,

Виноградье и проч.,

Красно солнце, то хозяинъ въ дому,

Виноградье и проч.,

Что въ другомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,

Виноградье и проч.,

Свѣтёлъ мѣсяцъ, то хозяйка въ дому,

Виноградье и проч.,

Что во третьемъ терему часты звѣзды,

Виноградье и проч.,

Часты звѣзды, то малы дѣтушки,

Виноградье и проч.;

Хозяинъ въ дому, какъ Адамъ на раю,

Виноградье и проч.,

Хозяйка въ дому, какъ оладья на меду:

Виноградье и проч.,

Малы дѣтушки, какъ олябышки,

Виноградье красно зеленое.

По окончаніи сего пѣнія одинъ изъ дѣтей, хозяина и хозяйку поздравляетъ съ праздникомъ.

3.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
Накануне Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петровъ-то дворъ желѣзной тынъ:
Середи двора три терема стоятъ,
Во первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды:
Свѣтелъ мѣсяцъ Петръ сударь,
Свѣтъ Ивановичъ;
Красно солнце Анна Кириловна;
Частыя звѣзды — то дѣти ихъ.
Здравствуй хозяинъ съ хозяюшкой
На долгіе вѣки, на многія лѣта!

4.

За рѣкою, за быстрою, ой колядка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,

На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни колѣдушки.
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатной ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.
Ты, братецъ Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнулъ,
Горючъ камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали. (1)
Ой колѣдка! ой колѣдка!

---

1). Здѣсь изображается жертвоприношеніе, гдѣ насыпался песокъ, въ который у Сѣверныхъ народовъ изливалась *кровь* жертвы; это выражаютъ слова: *пески сердце высосали*. См. сію пѣсню въ I части этой книги, стр. 103.

2). Здѣсь помѣщены только *пѣсни Колядскія* какія извѣстны въ Велико-Россіи, а Малороссійскія найти можно у Г. Максимовича въ собраніи, и у другихъ. Вѣроятно въ полнѣйшемъ собраніи Г. Кирѣевскаго, нетерпѣливо ожидаемомъ, найдутся и другія Колядки, открытыя имъ въ путешествіяхъ по Россіи.

II.

ПѢСНИ СВЯТОЧНЫЯ.

1.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей земли,
Слава!
Чтобъ нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному плашью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава:
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Слава!

2.

Катилося зерно по бархату,

Слава!

Еще ли то зерно бурмитское,

Слава!

Прикатилося зерно ко яхонту,

Слава!

Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,

Слава!

Хорошъ женихъ со невѣстою.

Слава!

Да кому мы спѣли, тому добро,

Слава!

Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

Слава!

3.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы (γ);

Слава!

Шубенка на немъ худенька;

Слава!

Одна пола во сто рублей,

Слава!

Другая пола въ тысячу,

Слава!

А всей-то шубенкѣ цѣны нѣтъ;

Слава!

Цѣна ей у Царя въ казнѣ,

Слава!

У Царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.

Слава!

4.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы;

Слава!

Несетъ кузнецъ три молота;

Слава!

Кузнецъ, кузнецъ! ты скуй мнѣ вѣнецъ.

Слава!

Ты скуй мнѣ вѣнецъ и зо́лотъ и новъ,

Слава!

Изъ остаточковъ золотъ перстень,

Слава!

Изъ обрѣзочковъ булавочку.

Слава!

Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчаться,

Слава!

Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручаться,

Слава!

Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкать.

Слава!

5.

Летитъ соколъ изъ улицы,

Слава!

Голубушка изъ другой;

Слава!

Слеталися, цѣловалися,

Слава!

Сизыми крыльями обнималися;

Слава!

Ужъ и имъ добрые люди дивовалися,

Слава!

Какъ соколъ съ голубушкой уживалися.

Слава!

6.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Слава!
Ищетъ груздочекъ бѣляночку,
Слава!
Не груздочекъ скачетъ, а боярской сынъ,
Слава!
Не бѣляночки ищетъ, а боярышни.
Слава!

7.

Ужъ какъ вышло пузище на рѣпище,
Слава!
Вынесло пузище осмину вшей,
Слава!
Осмину вшей, полъ-осмины блохъ,
Слава!

8.

Растворю я квашонку на донышкѣ,
Слава!
Я покрою квашенку чернымъ соболемъ,
Слава!

Ополшу квашонку краснымъ золотомъ.

Слава!

Я поставлю квашенку на столбичкѣ,

Слава!

Ты взойди, моя квашенка, съ краями ровна,

Слава!

Съ краями ровна и совсѣмъ полна.

Слава!

9.

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою (б),

Слава!

Живутъ мужики богатые,

Слава!

Гребутъ золото лопатами,

Слава!

Чисто серебро лукошками.

Слава!

10.

Шла щука изъ Нова-города,

Слава!

Она хвостъ волокла изъ Бѣла-озера;

Слава!

Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
Слава!
Что серебряная, позолоченая,
Слава!
А головка у щуки унизанная!
Слава!

11.

На корытѣ сижу,
Слава!
Я корысти гляжу;
Слава!
Я еще посижу.
Слава!
Я еще погляжу,
Слава!
Я глядь-поглядь,
Слава!
И корысть пришла на дворъ,
Слава!
И корысть на дворъ, женихи за столъ.
Слава!

12.

Чарочка поплывушечка,

Слава!

До чего тебѣ доплывати?

Слава!

Пора тебѣ вонъ выплывать,

Слава!

Князьямъ, Боярамъ вино подносить.

Слава!

13.

Ахъ! ты, матп, сѣй мучицу, пеки пироги.

Слава!

Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,

Слава!

Какъ нечаянные и невиданные,

Слава!

Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,

Слава!

Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ (ε).

Слава!

14.

Жемчужина окатная!

Слава!

До чего тебѣ докатиться?

Слава!

Пора тебѣ выкатиться,

Слава!

Князьямъ и боярамъ на шапочку.

Слава!

15.

Стоятъ сани снаряженые,

Слава!

И полостью онѣ подернуты,

Слава!

Только сѣсть въ сани, да поѣхати.

Слава!

16.

Ужъ какъ кличетъ котъ кошурку:

Слава!

Ты поди, моя кошурка, въ печурку спать,

Слава!

У меня у кота есть стклянница вина,

Слава!

Есть скляница вина и конецъ пирога,

Слава!

У меня у кота и постеля мягка.

Слава!

17.

Вился, вился ярый хмѣль,

Слава!

Около тычинки серебряныя:

Слава!

Такъ бы вились Князья и Бояре,

Слава!

Около Царя православнаго.

Слава!

18.

Покачу я колечко кругомъ города,

Слава!

А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду,

Слава!

Я сама пойду, милова найду.

Слава!

19.

Ласточка, касаточка,

Слава!

Не вей гнѣзда во высокомъ терему,

Слава!

Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не летывати.

Слава!

20.

Саночки, самокаточки,

Слава!

Они сами катятъ, сами ѣхать хотятъ.

Слава!

21.

По огороду хожу, полотенцы стелю,

Слава!

Я еще похожу, я еще постелю,

Слава!

22.

Ахъ! ты гнутое деревцо, черемушка!

Слава!

Куда клонишься, туда склонишься.

Слава!

23.

Ты мати, мати, порода моя,

Слава!

И ты взгляни, мати, въ окошечко,

Слава!

И выкинь, мати, опушинку,

Слава!

Чтобы было чемъ опушать ясна сокола,

Слава!

Что ясна сокола, то моего жениха.

Слава!

24.

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,

Слава!

У богатаго мужика двѣ радости,

Слава!

И онъ сына-то женитъ,

Слава!

Дочь замужъ отдаетъ.

Слава!

25.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему,
Я у матушки въ высокомъ.
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай красная:
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиныя крылица?
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, видала;
Чрезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ перевиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ! вы кумушки, вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте!
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодова,
На правой на ручкѣ,

На маломъ мизинцѣ.
Дѣвушки гадали,
Да не отгадали,
Красныя гадали,
Да не отгадали;
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплеснивѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

26.

Золотая парча развивается,
Кто-то въ дорогу сбирается (*).

27.

Разцвѣли въ небѣ двѣ радуги,
У красной дѣвицы двѣ радости:
Съ милымъ другомъ совѣтъ
И растворомъ подклѣтъ.

28.

Пошли гусли въ доль по лавкѣ,
Впередъ по скамейкѣ;
Мы дойдемъ до умника,
До разумника Ивана Михайловича:
Ты пожалуй намъ, умникъ,

(*) Телеграфъ, 1831, No 5. Въ Тул. и Орлов. Губерніяхъ.

Съ правой руки золотъ перстень,
Съ буйной головы золотъ вѣнецъ (*).

29.

Рылся кочетокъ на заваленкѣ,
Вырылъ кочетокъ жемчужинку.
Кому спѣли, тому добро.

30.

Катилася одонья ржи,
Кому прикатится,
Тому добро.
Кому вынется, тому сбудется, не минуется (**).

(*) Изъ Езоповой басни.

(**) Пѣсни подъ № 27—30 поются въ Симбир. и Пензен. Губерніяхъ.

Примѣч. Святочныя пѣсни взяты изъ собранія г. Сахарова и другихъ. До сихъ поръ лучшее напечаталъ изданіе Святочныхъ пѣсенъ В. С. *Алферьевъ*, который однакожъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько перемѣнъ въ словахъ въ пользу музыки; оно вышло въ Москвѣ 1835 г. въ 8, подъ заглавіемъ: *Для Руских Святокъ пѣсни, музыка и гаданіе.* Жуковскій прекрасно подражалъ святочнымъ пѣснямъ въ своей *Свѣтланѣ* и *Славѣ Царю*. А. Ѳ. Малиновскій изъ народныхъ обрядовъ и пѣсенъ написалъ извѣстную оперу: *Старинныя Руские Святки.*

Дополненіе къ пѣснямъ подблюднымъ (*).

1.

Пѣсни хлѣбу и соли.

Хлѣбу да соли дологъ вѣкъ, слава
Государю нашему долѣ того, слава;
Государь нашъ не старѣется, слава!
Его добрые кони не ѣздятся, слава!
Его цвѣтное платье не носится, слава;
Его вѣрные слуги не старѣются, слава!

2.

Еще ходитъ Никола по погребу, слава!
Еще ищетъ Никола не полнаго, слава!
Что не полнаго, не покрытаго, слава!
Еще хочетъ Никола дополнити, слава!
Да кому мы спѣли, тому добро, слава!
Кому вынется, скоро сбудется, слава!
Скоро сбудется, не минуется, слава!

3.

Еще на небѣ
Да двѣ радуги,
Какъ у нашего хозяина
Двѣ радости:

(*) см. Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8.

Еще первая радость —
Сына женилъ,
А другая-то радость —
Дочь замужъ отдалъ;
Еще за сыномъ
Корабли бѣгутъ,
А за дочерью
Сундуки везутъ.
А кому мы спѣли, тому добро,
Кому вынется, скоро сбудется,
Скоро сбудется, не минуется.

(Три послѣдніе стиха поются къ каждой пѣсни).

4.

Лѣнивая лѣнивица,
Лѣнилася она
Часто по воду ходить;
Она та́яла снѣгъ
На печномъ столбу;
Она вытаяла
Позоло́тъ пе́рстень,
О трехъ ставочкахъ;
Да кому етимъ перстнемъ
Обручатися?
Еще отроку съ отрочицею,
Добру молодцу со дѣвицею.

5.

Курочка, погребушечка,
Да греблася она на завалинѣ,
Еще выгребла позо́лотъ перстень,
Позолотъ перстень о трехъ ставочкахъ.
Да кому етимъ перстнемъ обручатися?
Еще отроку съ отрочицею,
Добру молодцу со дѣвицею.

6.

Я брошу подушку чере́зъ ворота,
Что черезъ ворота, во высо́кій тере́мъ,
Изъ высокова терема на тесовую кровать.
Да кому на той подушкѣ спать, почивать?
Еще отроку съ отрочицею,
Добру молодцу со дѣвицею.

III.

ПѢСНИ КРУГОВЫЯ (*).

1,

(Одинъ ходитъ и поетъ. Кого онъ называетъ по имени, тѣ къ нему пристаютъ, покуда всѣ играющіе не сберутся. Тогда начинаютъ другія игры.)

Чижикъ, пыжикъ у воротъ,
Воробушекъ маленькій!
Ахъ! братцы, мало насъ,
Голубчики, не́множко!
Въ хороводѣ людей мало,
Веселиться не съ кѣмъ стало.
Ахъ! братцы, мало насъ,
Голубчики, не́множко!
Максимъ, сударь, поди къ намъ,
Егоровичь приступись!
Ахъ! братцы, мало насъ,
Голубчики, не́множко!

2.

(Всѣ играющіе становятся въ кружокъ. Одна дѣвушка посрединѣ круга; мужчина ходитъ вокругъ и поетъ.)

Царевъ сынъ хороберъ,
Да ты что́ ходишь, гуляешь?

(*) съ No 1 по 8 Сибирскія пѣсни, а съ 8 по 13 Чухломскія.

Царевъ сынъ хоробѐръ,
Да ты что примѣчаешь?
Царевъ сынъ хоробѐръ.

*

Я хожу, хожу, гуляю
Я хожу, примѣчаю
Я свою, я Царевну,
Да свою Королевну;
А моя-то Царевна,
А моя-то Королевна
Въ Новѣгородѣ гуляетъ,
На ней вѣнчикъ сіяетъ,
Сарафанъ на ней камчатный.

*

Ты войди, Царь, въ го́родъ,
Ты возьми ее за руку!
Поклонитесь низенько,
Поздоровайтесь миленько!

3.

Ходитъ Царь
Около города,
Около высока!
Ищетъ Царь,
Ищетъ Царь
Царевну свою,
Королевну свою.

4.

Я хожу, хожу
Кругомъ города̀,

Я сѣку, рублю
Мечёмъ ворота,
Еще все-ли я
Красну дѣвицу ищу;
Еще гдѣ я
Красну дѣвицу найду,
Тутъ ее
Златымъ перстнемъ подарю.

5.

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, камка хрущатая!
Ужъ какъ сѣрая утица
Потопила малыхъ дѣтушекъ,
Во меду, да во патокѣ,
Да во ѣствѣ сахарномъ,
Да во питьѣ медвяномъ.

6,

Подъ коренемъ олень,
Да подъ дубовымъ олень.
Тепло-ли те, олень?
Студено-ли те, олень?
Мнѣ не то тепло,
Мнѣ не то студено.
Приодѣнься, олень,
Приокутайся!
Какъ со дѣвушки вѣнокъ,

Со молодушки платокъ,
Со старой бабы шлыкъ,
Съ малаго ребеночка пеленочка,
Съ мужичка, бурлачка,
Полъ-корабличка (ε).

(Кто сидитъ въ кругу оленемъ, тотъ собираетъ со всѣхъ платки, ленты, и когда соберетъ со всѣхъ, то ему поютъ:)

Сиди, сиди, ящеръ — ладу, ладу!
На золотѣ стулѣ — ладу, ладу!
Грызи, грызи, ящеръ — ладу, ладу!
Орѣховы ядра — ладу, ладу!

7.

(Играющіе раздѣляются на двѣ стороны.)

1.

Бояре! да вы по что пришли?
Молодые, да вы по что пришли?

2.

Княгини! да мы невѣстъ смотрѣть!
Молодыя, да невѣстъ смотрѣть!

1.

Бояре! покажите жениха,
Молодые, покажите жениха!

2.

Княгини, во се нашъ женишокъ!
Молодыя, во се нашъ женишокъ.

1.

Бо̀яре, покажи́те кафтанъ;
Молоды́е, покажите кафтанъ!

2.

Княги́ни! во се нашъ кафтанъ!
Молоды́я, во се нашъ кафтанъ!

1.

Бо̀яре! покажи́те кушакъ,
Молоды̀е, покажи́те кушакъ!

2.

Княги́ни! во се нашъ кушакъ!
Молоды̀е, во се нашъ кушакъ!

1.

Бо̀яре! покажѝте сапоги,
Молоды̀е, покажѝте сапоги!

2.

Княги́ни! во се нашъ сапожокъ,
Молоды̀я, во се нашъ сапожокъ!

1.

Бо̀яре! поздороваться!
Молоды̀е, со всѣмъ поѣздомъ!

8.

Соколъ ли мой, соколъ,
Залетная пташка.
Ты проѣзжій добрый молодецъ,
Привезъ меня молоду
Въ чужу дальню сторону;
Сушилъ, крушилъ три года,

Напишуль я грамотку
По бѣлому бархату
Чистымъ, краснымъ золотомъ;
Отошлюль я ету грамоту,
Въ дальній городъ Астрахань,
Къ родимому батюшкѣ,
Къ родимыя матушкѣ.
Прикажетъ ли сударь батюшка,
Прикажетъ ли сударыня матушка
Скакать, плясать, танцовать?
Скачи, пляши, дитятко,
Танцуй, государыня,
Покамѣстъ старость не пришла!
Коли старость къ намъ придетъ,
Такъ мы ее пришибемъ
Сафьяниннькимъ башмачкомъ.

9.

Во полѣ, полѣ широкомъ, раздольѣ
Стояли три шатра, три полотняныи.
Во первомъ шатрѣ подъячіе пишутъ,
Во второмъ шатрѣ князья и бояре́,
Въ третьемъ шатрѣ гостинъ сынъ гуляетъ,
Самъ въ гусли играетъ,
Дѣвушку утѣшаетъ:
Не плачь, не плачь, дѣвушка,
Не плачь, не плачь, красная!
Сошью тебѣ, дѣвушка,
Шубку и юбку и тѣлогрѣйку;

Еще тебѣ, дѣвица, монисту съ крестами,
Серги съ жемчугами.
Не надобно, молодецъ,
Ни шубки, ни юбки, ни тѣлогрѣйки,
Ни монисту съ крестами,
Ни серегъ съ жемчугами.
Ахъ! отпусти, молодецъ,
Ко дѣвичью стадичку!
Тогда я тебя отпущу,
Когда русу косу расплету.

10.

Тонка, гибка жестянка,
Черезъ рѣчушку жестяночка лежала,
Что никто по той жестяночкѣ не пройдетъ.
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы старобразы.
Еще смѣть ли спросить старыхъ бабъ,
Еще что въ городу вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
На овсяный блинъ по три бабы,
А четверта провожата,
А пятая на придачу.

*

Еще шли, прошли молоды бабы;
Еще смѣть ли спросить молодыхъ бабъ,
Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали добры молодцы:
Еще восемь молодцовъ на полденьги,

А девятый провожатый,
А десятый на придачу.

*

Еще шли, прошли добры молодцы;
Еще смѣть ли спросить добрыхъ молодцовъ:
Еще что въ городу вздешевѣло?
Вздешевѣли, вздешевѣли красны дѣвушки,
Со сту рублей красна дѣвушка,
А по тысячѣ дѣвицѣ на косицу.

11.

Что мои то ясны очи заглядчиваты!
Еще что очи завидятъ, то на очи берутъ?
Что мелка мука овсяна, мѣлко вытолчена,
Мѣлко вытолчена, въ сито высѣяна.
Что умна была дочь у честной у вдовы,
У честной у вдовы умно выучена;
Она въ теремѣ сидѣла, въ рукахъ пялички держала,
Всѣ узоры вышивала.

12.

Сидитъ олень подъ сырымъ дубкомъ.
Тепло ли те, олень, студено ли те, олень?
Мнѣ во лѣтѣ тепло, во зимѣ холодно.
Приодѣньте оленя, приокутайте:
Что со дѣвушки вѣнокъ, со молодушки платокъ,
Со старыя старушки шелковый поясокъ.
Чей, чей ето вѣнокъ толочу, волочу,
Толочу, волочу по подлавичью, по залавичью?

Я не дамъ вѣнка топтать, я не дамъ волочить!
Сама выскачу, сама выпляшу,
Я своимъ станкомъ, я коротенькимъ.
* Хотя станъ коротокъ, назовутъ Королемъ Королевичемъ.
А гдѣ утка шла, тутъ и пыль прошла;
А гдѣ я млада, тутъ и рожь густа,
Уколотиста, умолотиста,
Еще съ колосу малёнка, съ зерна пирогъ.

13.

Подлѣ рѣчки стоялъ частъ ракитовъ кустъ,
На томъ кустѣ соловейка пѣсни поетъ,

---

* Въ деревняхъ Чухломскаго уѣзда при играхъ употребляется пляска; конецъ сей пѣсни, начиная съ 12 го стиха, замѣченнаго мною, слѣдующій:

Хотя станъ коротокъ, да плечи широки,
А на эти плеча три рябиновыхъ дубца,
Три распаряные, три разжареные,
Подпояска-то долга, о семи саженъ изба,
Повернуться нельзя, повернулася, пошла,
Будто ягода красна, какъ замлянка хороша.
Обей чеботы, пробивай чеботы!
Мнѣ не мужъ ихъ купилъ, и никто не заводилъ,
Заводилъ Константинъ, на свои на шесть алтынъ;
Хоть истопчутся, изломаются,
Мой батюшка-та швецъ, а женихъ кузнецъ,
Моя матушка прядеюшка, вервицу напрядетъ.

Молодой насвистываетъ:

У моего ли дружка, у сердечнаго
Былъ у него пиръ, да былъ пиръ превеселый;
Всѣ гости сошлися, гости съѣхалися;
Нѣту одной родимой матушки!
Ахъ! вонъ она идетъ, будто пава плыветъ;
Рѣчи говоритъ, будто лебедь поетъ.

7.

На горѣ калинушка стояла,
Разными цвѣтами разцвѣтала;
На той ли на калинѣ сидитъ соловейка;
Веселъ и пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣстъ подаетъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться;
Тебѣ красной дѣвушкѣ постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ набльшему тамъ атаману;
Чѣмъ меня государь батюшка подаруетъ?
Подарилъ меня государь батюшка женою,
Глупою женою, неразумной:
Я за гудокъ, а она за прялку;
Я въ гудокъ играти, а она мотати.
Не за чѣмъ въ люди на кручину,
Дома кручинушки довольно.

Конецъ сей пѣсни измѣняютъ такимъ образомъ:

Подарилъ меня государь батюшка женою,
Умною женою и разумной,
Я за гудокъ, а она за пѣсни,

Я въ гудокъ играти, а она плясати.
Не за чѣмъ въ люди по веселье,
Дома весельица довольно.

Въ заключеніе же представляю пѣсню, которую поютъ хозяину и хозяйкѣ дома, въ коемъ бываетъ игрище. Ето знакъ благодарности.

Въ Казани было городѣ,
Протекала тутъ Волга рѣка.
Какъ по той-то по Волгѣ рѣкѣ
Проплывала осетръ рыба,
Что осетръ рыба свѣжая:
Какъ бы ета да осетръ рыба,
Хозяину да на столы дубовые,
Да на скатерти ткатскія,
Да на блюда на серебреныя!
Далече, далече въ чистомъ полѣ,
Разыгралися черные черные соболи.
Какъ бы ети да черные соболи
Хозяюшкѣ на шубу, да на бѣлы плеча.

Представляю три плясовыя пѣсни, которыя только и поютъ на Святкахъ въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, откуда сообщены мнѣ дѣвицею Т. К. Кашкадамовою:

8.

Ужъ вы кумушки, голубушки,
Вы которому святителю молились?
Вы которому чудотворцу обѣщались?
Какъ у васъ мужья молодые;
У меня младеньки старичище,

Не пускаетъ старичище на игрище.
Я уходомъ отъ стараго уходила,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,
Я у кумушки наряжалась,
У голубушки собиралась;
Я не долго млада вечера играла,
Со вечерней зари до бѣла дни.
Я не знаю, какъ старому показаться:
Ужъ я стукъ-стукъ у воротицъ,
Ужъ я брякъ — за колечко;
Какъ не лютые медвѣди заревѣли,
Какъ не лютыя собаки заскучали,
Забрюжжалъ старичище на печищѣ;
Солезаетъ старичище со печищи,
Беретъ плетище съ крючища,
Онъ и бьетъ меня младу,
Меня по бѣлу тѣлу.

9,

Какъ за горницей, за повалушею (г
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говорятъ мои подруженьки
На игрища идти,
А меня ли молодешеньку
Свекоръ не пускаетъ,
Заставляетъ свекоръ батюшка
Гумно чистить,
Гумно чистить,

Метлой мести;
Ужъ я въ сердце взойду
И метлу изломлю
И гумно истопчу,
Сама ли молодешенька
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.

(Начальныя четыре строки повторяются.)

А меня молодешеньку
Свекровь не пущаетъ,
Заставляетъ свекровь матушка
Красенца ткать.
Ужь я въ сердце-то войду,
Красна изорву, бердо изломлю;
Какъ на игрище уйду,
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода!

(Повтореніе четырехъ начальныхъ строкъ.)

10.

Какъ во городѣ было во Казани,
Молодой чернецъ постригся,
Позволилъ черничище погуляти
Какъ по тѣмъ ли по проулкамъ,
По закаулкамъ.
Какъ на встрѣчу черничищу стара баба,
Черничище клобучище принадвинетъ.

(Повтореніе начальнымъ 5 строкамъ)

На встрѣчу ему молодица,
Черничище клобучище приподнимешъ.
(Опять повтореніе упомянутыхъ 6 строкъ.)
Какъ на встрѣчу черничищу красны дѣвки, и пр.

Загадочная пѣсня.

Какъ на рѣчинкѣ, на рѣчицѣ
Красна дѣвица дары мыла,
Тонкіе, бѣлые полоскала.
Ужъ какъ ѣхалъ мимо рѣчки
Сынъ гостиный (если купецъ; если же дворянинъ, *дворянской*).
Богъ помощь тебѣ, дѣвица,
Дары мыти,
Тонкіе, бѣлые полоскати!
Загадать ли тебѣ дѣвица
Семь загадокъ?
Загадай ты, сынъ гостиной,
Хоть *десятокъ!*
Ужъ что у насъ, красная дѣвица,
Краше свѣта,
Чаще рощи,
Выше лѣса,
Безъ коренья,
Безъ умолку,
Безъ отвѣту,
Безъ премѣны?

Дѣвица отгадываетъ:

Краше свѣта, — красно солнце,
Чаще рощи, — частыя звѣзды,
Выше лѣса, — свѣтелъ мѣсяцъ,
Безъ коренья — горючь камень,
Безъ умолку, — течетъ рѣчка,
Безъ отвѣту, — конь во стойлѣ,
Безъ перемѣны, — воля Божья.

Молодецъ благодаритъ дѣвицу, что отгадала его загадки, обѣщаясь ее взять за себя. — (1)

---

(1) Ета пѣсня, собственно принадлежащая къ свадебнымъ и сообщенная мнѣ П. В. Шереметевскимъ, относится къ стр. 64 сей книги.

II.

АВСЕНЬ.

Какъ священный канунъ Рождества Христова у поселянъ въ разныхъ краяхъ Россіи называется *Коледою*, такъ канунъ Новаго года — то *Васильевымъ вечеромъ*, или *богатымъ вечеромъ*, то *Авсенемъ*, *Овсенемъ*, или *Усенемъ*, *Говсенемъ*, *Бауценемъ* и *Таусенемъ* въ Рязанской, Владимірской, Симбирской, Нижегородской и частію Пензенской Губерніяхъ, а въ нѣкоторыхъ сторонахъ *Коледою* и вмѣстѣ *Коледою* и *Таусенемъ*. Въ это время ходятъ по домамъ крестьянскія дѣти поздравлять хозяевъ пѣснями, а въ предвѣстіе урожая бросаютъ изъ лукошка или рукавицы нѣсколько зеренъ разнаго хлѣба, особенно *овса* (1), кои сбираются старухами до весенняго посѣва. Въ Бѣлоруссіи, Украйнѣ, Подолѣ и Волыни встрѣчается подобный обрядъ. Великорускій Авсень, или Овсень, празднуемый во время Святокъ, есть старинный земледѣльческій праздникъ, или прообразовательный обрядъ *обсѣванія*, отчасти сходный съ древнимъ обрядомъ *осыпанія* при бракосочетаніи молодыхъ (2) и даже при

(1) На Словацкомъ овесъ Owsen, на Лат. avena. Замѣчательно, что овсомъ даютъ крестьяне и славильщикамъ.

(2) Древніе Пруссы осыпали невѣсту на свадьбѣ разными сѣменами. см. *Thorlacii* Antiqq. boreal. specim. IV, p. 203.

вѣнчаніи на царство Руских Государей, въ предвѣщаніе изобилія благъ земныхъ. Авсень сопровождается особенными пѣснями, различными по мѣстности. Едва появятся звѣзды на небѣ, какъ начинается торжество молодыхъ поселянокъ, поющихъ предъ окнами каждаго:

Ой Авсень! ой Авсень!
Я ходилъ, я гулялъ
По святымъ вечерамъ и т. д.

Къ Авсеню въ деревняхъ чинятъ кишки, желудки и варятъ ноги свиныя, кои раздаются обсыпаламъ. Въ Нерехотскомъ округѣ, хотя не извѣстенъ Овсень по имени, но каждая бесѣда обоего пола ходитъ въ Васильевъ вечеръ ко всякому дому своего селенія сбирать небольшіе пироги и приговариваютъ: *Свинку да боровка выдай для Васильева вечерка!* Въ Рязанской Губ. молодыя молодки и красныя дѣвицы, собравшись для прославленія Овсеня, приходятъ подъ окна дома; одна изъ нихъ называется махоноска и несетъ кошель для поклажи подарковъ. Они спрашиваютъ подъ окномъ или у дверей избы: „велитъ ли хозяинъ прокликать Овсень?“ Получивъ согласіе, поютъ:

1.

Среди Москвы
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Вереи красны.

2.

Свѣтелъ мѣсяцъ,
То Т . . . . . сударь,
Красное солнце
Н . . . . . его,
Часты звѣзды,
То и дѣтки ихъ.

3.

Прикажите, не держите,
Собаками не травите,
Подайте намъ подачки!

Опять поютъ:

4.

Наша подачка
Въ дверь не лезетъ,
Въ окошки шлетъ.

5.

Кишки, да желудки
Въ печи сидѣли,
На насъ глядѣли.

Опять повторяютъ хоромъ: подайте подачку!

6.

Колите доски,
Мостите мосты!
Намъ шуши, да ососки везть.

Получивъ подачку, цѣлымъ хоромъ восклицаютъ:

„Хозяина поздравляемъ съ праздникомъ, „съ Новымъ годомъ.“

Въ тоже время, въ Муромѣ и въ окрестностяхъ его, толпы заходятъ въ домы съ пѣснею: *Таусень! Таусень! дома ли хозяинъ?* Когда же получатъ въ отвѣтъ, что *„хозяина дома нѣтъ, уѣхалъ соли купить, мясо солить, чтобы сына женить, пашенку пахати, хлѣба промышляти* — онѣ просятъ пироговъ, съ припѣвами: *Подавай пирога! Коль не дашь пирога, разломаемъ ворота, двери, окна разобьемъ* и т. д. Получивъ пирогъ, онѣ пляшутъ подъ пѣсню:

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому
Лежатъ гусли неналаженыя.
Каледа!
Кому гусли налаживати?
Каледа!
Наладитъ гусли
Зензевею Андрѣяновичу.
Каледа!

Зензевея дома нѣтъ;
Онъ уѣхалъ въ Царь городъ
Суды судить, ряды рядить.
Каледа!
Онъ женѣ-то шлетъ
Кунью шубу.
Каледа!
Сыновьямъ-то шлетъ
По добру коню.
Каледа!
Дочерямъ-то шлетъ
По черну соболю.
Каледа!

Каледа въ пѣсняхъ также воспѣвается вмѣстѣ съ Таусенемъ или Говсенемъ въ Муромскомъ округѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ старинныхъ пѣсенъ:

Говсень, Говсень! я шетерю гоню,
Говсень, Говсень! полевую гоню,
Она подъ кустъ,
А я за хвостъ;
Мнѣ на́чла хвостъ,
Анъ денегъ горсть.

Потомъ стучатъ въ окошко и просятъ пироговъ или чего нибудь другаго, и, вошедши въ домъ, поютъ:

Петръ въ Орду собирается.
Коледа Тоусень!

Александръ у ногъ увивается.
Коледа Тоусень!
Ты не ѣзди въ Орду, не служи Королю.
Коледа Тоусень!
Служи бѣлому Царю.
Коледа Тоусень!
Ужъ какъ мнѣ ли безъ тебя хлѣба соли не ѣдать.
Коледа Тоусень!
На постели не сыпать.
Коледа Тоусень!
Ужъ какъ спать въ тоскахъ, на голыхъ доскахъ.
Коледа Тоусень!
На горячей печи, на девятомъ кирпичѣ.
Коледа Тоусень! —

Таусень, или Овсень, подобно Коледѣ, долженъ быть не божествомъ, но мѣстнымъ праздникомъ народнымъ, въ коемъ главное дѣйствіе есть *обсыпаніе* или *обсѣваніе*, какъ видно изъ прообразовательныхъ обрядовъ, наблюдаемыхъ въ Бѣлорусіи и другихъ мѣстахъ. Соединеніе Овсеня съ Коледою намѣкаетъ на соединеніе миѳовъ разноплеменныхъ народовъ на Руси, у которыхъ етотъ знаменательный обрядъ проявился подъ разными именами, облекся въ разные народные миѳы и впадаетъ въ то самое время, когда совершаются гаданія о жребіи въ наступающемъ году. По существу сво-

ему Овсень сходенъ съ Коледою; потому что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ ходятъ поздравлять съ пѣснями и просятъ подарковъ за поздравленіе. Разница только въ томъ, что въ первомъ бываетъ обсѣваніе. Ежели Римская Frutis — Seja, Sejanna или Sejà (3) родственница съ Славянскою *Сѣванною*: то, по видимому, не чуждъ имъ *Авсень*, или *Овсень*, созвучный и подобозначущій съ старинными Нѣмецкими словами Awsten, Aussäen, посѣвъ, обсѣваніе (4), Самогитскою и Польскою богинею земли Sema или Zemina, Литовскою Zemmes mahti, мать-земля (5).

Какъ народы сіи были земледѣльческіе, и одинъ другому передавали искусство воздѣлывать поля: то вѣроятно у нихъ были и божества, покровительствовавшія оному, и праздники земледѣльческіе, къ коимъ можетъ относиться и *Овсень*. Самое слово сіе, совмѣщающее въ себѣ разныя понятія,

---

(3) *Segesta* et *Segetia*, dea, quae praeerat segetibus et segetes laetas facere existimabatur. — *Plin.* H. N. XVIII, 2: Hos enim deos tunc maxime noverant, *Sejam* a serendo, *Segestam* a segetibus appellabant.

(4) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Tkany. 2 Th. Znaim. 1827, 8.

(5) *Сива* Славян. по мнѣнію Нарушевича, была покровительницею *дѣторожденія*; она должна быть сродственною Сѣваннѣ, богинѣ оплодотворенія земли.

при переходѣ сквозь разныя нарѣчія, получило разныя видоизмѣненія въ первомъ слогѣ слова и является, какъ мы замѣтили, то *Усенемъ*, то *Таусенемъ*, то *Говсенемъ*, и посему можетъ производимо быть отъ различныхъ корней (6). По особенной наклонности Славянъ Рускихъ перелицевывать иностранныя слова на свой ладъ, можетъ статься, Авсеню дано значеніе *обсѣванія овсомъ* и вообще яровымъ, какъ кореннымъ на Руси хлѣбомъ. Но какъ сѣяніе дѣлается на *авось*: то и предшествовали ему гаданія и умилостивительныя жертвы, къ коимъ, вѣроятно, отчасти принадлежитъ и обрядъ Авсеня. Заимствуя свое начало отъ народнаго быта и вѣрованія, онъ перешелъ въ народный обычай, принаровленный къ мѣстности, климату и къ времени года, когда запасаются хлѣбомъ на круглый годъ и отдѣляютъ сѣмена на весенній посѣвъ. Хотя въ другихъ странахъ Великой, Малой, Бѣлой и Красной Руси, кромѣ означенныхъ Губерній, и не встрѣчается намъ Авсень, но почти вездѣ совершаются подобные обряды на-канунѣ Новаго года, съ мѣстными особенностями и съ пѣснями.

---

(6) см. въ Енцикл. *Лексиконѣ* ст. ***Великая Россія.*** — Старое слово *таусинный* цвѣтъ едва ли не *ϑαλασσινὸς* морскій? —

АВСЕНЕВЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ай во борѣ, борѣ,
Стояла тамъ сосна,
Зелена, кудрява.
Ой Овсень! ой Овсень!
Ѣхали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздьми убивали.
Ой Овсень! ой Овсень!
Кому-жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ Овсеню,
Да новому году.

2.

Ой Овсень! ой Овсень!
Походи, погуляй
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ.
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотрѣлъ, поглядѣлъ,

Ты нашелъ, ты взошелъ,
Къ Филимону на дворъ!
        Ой Овсень! ой Овсень!
Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь вороты красны,
Вереи всѣ пестры.
        Ой Овсень! ой Овсень!
Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, затыненъ
Кипариснымъ тыномъ.
        Ой Овсень! ой Овсень!
Филимоновъ-то тынъ
Серебромъ обложенъ,
Позолотой увитъ!
На дворѣ у Филимона
Три теремчика стоятъ:
И свѣтленьки и красненьки
Золотые терема!
Первый теремъ
Свѣтелъ мѣсяцъ;
Другой теремъ
Красно солнце;
Третій теремъ
Часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ
Хозяинъ нашъ,
Красно солнце
Жена его,
Часты звѣзды

Ихъ дѣвушки.

Ой Овсень! ой Овсень

3.

Мѣсяцъ, крушы рога,
У солнышка лучи ясные горятъ,
У Ивана кудри русыя висятъ,
По плечамъ лежатъ,
Словно жаръ горятъ.
Тутъ ѣхали бояра изъ Новагорода,
Дивовались бояра Ивановымъ кудрямъ;
Ужъ чье ето дитятко нароженный?
Породила его родна матушка,
Вспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
Взлелѣяли его родныя сестры.

4.

Каледа, Каледа,
Гдѣ была?
Коней пасла
Что выпасла?
Коня въ сѣдлѣ,
Въ золотой уздѣ.
Кони гдѣ?
За вороты ушли.
Вороты гдѣ?
Водой снесло.
Вода гдѣ?
Быки выпили.

Быки гдѣ?
За горы ушли.
Горы гдѣ?
Черви выточили.
Черви гдѣ?
Гуси выклевали
Гуси гдѣ?
Въ тростникъ ушли.
Тростникъ гдѣ?
Дѣвки выпололи.
Дѣвки гдѣ?
За мужья ушли.
Мужья гдѣ?
На войну ушли.
Война гдѣ?
На печи въ углу.

III.

МАСЛЯНИЦА.

По окончаніи такъ называемыхъ *Свадебныхъ недѣль*, наступаетъ годовый, разгульный праздникъ у народа, *Масляница*, или *Сырная недѣля*, по Гречески *Τυρόφαγον*, *τὸ Ἀπόκρεως*, *Мясопустъ*, по Латинѣ Carniprivium, по Польски Zapust, Miesopust, по Сербски bilà nedela. Что мы называемъ Масляною, то у Словаковъ и Чеховъ Fasanek, или Masopûst; отсюда и пословица: po Fasanku Post búva, послѣ Масляницы бываетъ постъ, вмѣсто: послѣ сладкаго бываетъ горько, или, какъ выражаетъ простонародная Руская пословица: *Не всегда коту Масляница* (1). На простонародномъ Нѣмецкомъ языкѣ Масляница называется Fasenacht, въ Баваріи Fassangen, а вообще Fastnacht. Папа Григорій великій въ 600

---

(1) Non semper erunt Saturnalia. *Seneca* Apocoloc. Нѣкоторымъ угодно читать Рускую посл. такъ: „Не всегда *катанье* объ Масляницѣ" и пр. Но принятое мною чтеніе находится въ рукописныхъ собраніяхъ пословицъ начала и половины XVIII вѣка и употребляется въ народѣ.

г. уставилъ Пепельную середу началомъ поста, и канунъ етого дня именовался заговѣньемъ (Fastnacht); ибо въ полночь онаго собственно начинался постъ, коему предшествовали три дни, извѣстные подъ именемъ Бакханалій и бѣсовскихъ праздниковъ; ибо, по словамъ Церковныхъ Историковъ, въ сіи дни безумствовали: надѣвали на себя личины, мущины переряжались въ пугалища и женщинъ и наоборотъ, и позволяли себѣ всякое неистовство и распутство." Таково начало нынѣшняго Карнавала, который у Католиковъ продолжается отъ дня трехъ Королей до Пепельной середы (2). Древніе языческіе обряды Сатурналій облекались въ новыя формы; изъ Италіи они перешли во другія страны Христіанскія, гдѣ были образцами для подражанія и гдѣ смѣшивались съ ними отечественные обычаи. Въ церковныхъ книгахъ Масляница называется *Сырною недѣлею*, подобно всей предшествующей седмицѣ, на коей въ среду и пятокъ ѣдятъ сыръ и яицы въ отвращеніе преданія Яковитскаго и Тетрадитской ереси (3).

---

(2) Allgemeine Deutsche Real-Encyclopedie. 10 B. Leipz. 1830, въ 8.

(3) Церковный Словарь *П. Алексѣева.* 3 изд. М. 1815. ч. 5, въ 8.

Масляница въ Россіи есть какъ бы осмидневное празднество послѣ вселенской субботы, въ которую поминаютъ усопшихъ. Тогда какъ въ Сырную недѣлю Церковь воспоминаетъ изгнаніе Адама изъ рая, приуготовляя Христіанъ къ Великому Посту; тогда народъ предается маслиничнымъ потѣхамъ: катанью съ пѣснями на горахъ и саняхъ, кулачнымъ боямъ, попойкамъ и пиршествамъ, на коихъ главную роль играютъ блины, пряженцы, оладьи (4). Въ народномъ языкѣ Масляница слыветъ, подобно Семику, *честною,* а по разгульности, *широкою.* Веселая, изобильная жизнь называется *Масляницею: не житье, а Масляница.* Въ такомъ же почти смыслѣ употребляется и Французская поговорка: C'est un vrai carnaval (5). Въ старинномъ сказаніи народномъ на лубочныхъ картинахъ *о честномъ Семикѣ и честной Масляницѣ,* первый описываетъ послѣднюю слѣдующими словами: „Душа моя Масляница, „перепелиныя косточки, бумажное твое „тѣло, сахарныя твои уста, сладкая твоя

---

(4) *Оладьямъ* не соотвѣтствуютъ ли пекущіеся во время прилетанія первыхъ птицъ жаворонки (alaudae), или оладьи не происходятъ ли отъ словъ: *отъ Лада ?*

(5) Histoire générale des proverbes, par *M. C. Méry.* 3 t. à Paris. 1828 . in 9.

„рѣчь; красная краса, русая коса, тридца-„ти братовъ сестра, сорока бабушекъ внуч-„ка, трех-материна дочка, кеточка, ясочка, „ты же моя перепелочка" и т. д.

Одинъ изъ иностранныхъ писателей, бывшій лѣтъ за 150 въ Россіи, какъ очевидецъ такъ изображаетъ етотъ народный праздникъ (6):

„*Масляница* потому такъ названа, что „Рускимъ въ продолженіе етой недѣли поз-„воляется вкушать коровье *масло*; ибо они „во время поста, вмѣсто коровьяго, упот-„ребляютъ конопляное въ кушаньѣ. Масля-„ница начинается за восемь дней до Ве-„ликаго Поста. Въ то самое время, когда „бы всякой съ сердечнымъ раскаяніемъ дол-„женъ былъ приготовляться къ созерцанію „страданій Христовыхъ, въ то время сіи „заблудшіе люди предаютъ свою душу дья-„волу. Во всю Масляницу день и ночь про-„должается обжорство, пьянство, развратъ, „игра и убійство, такъ что ужасно слы-„шать о томъ всякому христіанину. Въ то „время пекутъ пирожки, калачи и тому по-„добное, въ маслѣ и на яицахъ; зазываютъ,

(6) Anhang von der Reußischen oder Moskowitischen Religion. Leipzig. 1698, in 12.

„къ себѣ гостей и упиваются медомъ, пи-„вомъ и водкою до упаду и безчувственно-„сти. Во все время ничего болѣе не слышно, „какъ: того-то убили, того-то бросили въ „воду. Въ бытность мою у Рускихъ, на „етой недѣлѣ убитыхъ нашлось болѣе ста „человѣкъ. Нынѣшній Патріархъ давно уже „хотѣлъ уничтожить етотъ бѣсовскій празд-„никъ, но не успѣлъ; однакожъ онъ сокра-„тилъ время его на 8 дней, тогда какъ пре-„жде оный продолжался 14 дней. Масляница „напоминаетъ мнѣ Италіанскій карнавалъ, „который въ тоже время и почти такимъ „же образомъ отправляется. Славный Папа „Иннокентій XI хотѣлъ было его уничто-„жить; но, подобно Патріарху Рускому, „успѣлъ только сократить его на 8 дней.“ Иностранный писатель, изобразивъ Рускій народный праздникъ съ одной только сто-роны, не упомянулъ о существовавшей из-давна у Рускихъ любимой забавѣ, во время Масляницы: о катаньѣ съ ледяныхъ горъ на салазкахъ и лубкахъ, о катаньѣ на саняхъ и лыжахъ по снѣгу.

Масляница собственно состоитъ изъ трехъ частей: *встрѣчи*, въ понедѣльникъ, *разгула*, или *перелома*, въ такъ называемый *широкій четвергъ*, и *прощанья*. Какъ празд-

никъ народный, она начинается съ понедѣльника, какъ праздникъ гражданскій — съ четверга.

Главную роль играютъ въ Масляницѣ *блины*, которые пекутся всю недѣлю; на блины зовутъ гостей и блинами вездѣ угощаютъ. Какъ всѣ народы пекли прѣсныя лепешки на угольяхъ прежде, чѣмъ дошли до заквасцаго хлѣба: посему блины наши должны быть древнѣе хлѣба. По обычаю народному, блинами поминаютъ усопшихъ; въ Тамбовской и другихъ Губерніяхъ первый блинъ, испеченный на Сырной недѣлѣ, кладутъ на слуховое окошко для душъ родительскихъ. *Блины* у народа, какъ обычная принадлежность поминовенія усопшихъ, какъ праздничное яствіе, встрѣчается и въ книгахъ С. Писанія подъ именемъ *млиновъ*, какіе раздавалъ Царь Давидъ народу по случаю празднества при перенесеніи Кивота Господня: *даяше по млину сковрадному* (7).

---

(7) II *Царствъ*, VI, 19. Въ Еврейской, Латинской Тремелліева изданія, Нѣмецкой и Англинской Библіяхъ: по флягѣ вина (lagenam vini, ein Nössel Wein, flagon of wine). Но въ Греческомъ переводѣ и Вулгатѣ: *καὶ λάγαγον ἀπὸ τηγάνου*, similam frixam oleo. По новѣйшимъ толковникамъ, *λάγαγον τηγάνου*, есть placenta sartaginis, laganum, placenta tenuis. Блины на новогреч. *λάλαγίτες*. см. *Исход.* XXIX, 2. *Καὶ λαγάνα ἄξυμα*

Въ Германіи, особенно Католической, кромѣ копченыхъ мясъ, колбасъ и сосисекъ, на Масляницѣ пекутся обварныя оладьи, крендели (Kringeln, Pfannkuchen) и т. п. Сіи послѣднія суть какъ бы остатокъ spirae, кои приносили Бахусу, потому, можетъ быть, что онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ миѳографовъ, родился отъ Юпитера подъ видомъ змія и произошелъ отъ Прозерпины; вѣроятно, это символъ теченія солнца. Такія-то лепешечки круглыя, извѣстныя въ Мекленбургѣ подъ именемъ Heetweggen, пекли изъ мѣлкой муки на молокѣ и ѣли горячія. Блины у Литовцевъ на Хавтуреѣ называются sikies wellonis pamislos, кои употреблялись и на другихъ праздникахъ. У Рускихъ слово *млинъ* изъ гречневой молотой муки, пекущійся на сковородѣ, подмазанной масломъ, перемѣнилось въ *блинъ*, который донынѣ сохранилъ свое употребленіе при поминкахъ и особенно на Масляницѣ, такъ равно и круглую фигуру.

Катанье на саняхъ по улицамъ начинается съ понедѣльника, а болѣе съ четверга Сырной недѣли: къ вечеру ѣздятъ цѣ-

---

κεχρισμένα ἐν ἐλαίῳ, и *хлѣбы прѣсны* смѣшаны *съ елеемъ*. *Τήγανον*, таганъ, сковорода, sartago, слѣд. *сковородный млинъ* есть блинъ, печеный на таганѣ, на сковородѣ.

лыми вереницами, а простолюдины катаются съ веселыми пѣснями. Ледяныя горы для катанья строились на Москвѣ рѣкѣ и на Неглинной, отъ Воскренскихъ до Троицкихъ воротъ, гдѣ нынѣ Александровскій садъ, до конца XVIII вѣка. Контарини „въ 1473 „году видѣлъ на первой конскія ристанія и „разныя увеселенія" (8). При Петрѣ I масляничныя потѣхи бывали въ Москвѣ у Красныхъ воротъ, гдѣ Петръ I самъ, въ понедѣльникъ на Масляницѣ, открывалъ празднество ея, нѣсколько разъ повертѣвшись на качеляхъ съ Офицерами (9). По случаю Нейштатскаго мира въ 1722 г. Петръ I далъ въ Москвѣ невиданный дотолѣ маскарадъ и санное катанье. Въ четвертый день Сырной недѣли началось движеніе большаго поѣзда изъ Всесвятскаго села, гдѣ собрано было съ вечера множество морскихъ судовъ разнаго вида и разной величины, полсотни саней, запряженныхъ разными звѣрями. По сдѣланному ракетою сигналу сухопутный флотъ, напоминающій собою Олеговъ, на полозахъ и колесахъ, потянулся

---

(8) Библіотека Иностранныхъ писателей о Россіи, отдѣл. 1. Спб. 1836, въ 8.

(9) Старина Руская. Спб. 1825, въ 18.

длинною вереницей отъ Всесвятскаго къ Тверскимъ тріумфальнымъ воротамъ (10). Шествіе открывалъ арлекинъ, ѣхавшій на большихъ саняхъ, въ кои впряжены были гусемъ шесть лошадей, украшенныхъ бубенчиками и побрякушками. Въ другихъ саняхъ ѣхалъ Князь-Папа Зотовъ, облеченный въ длинную мантію изъ краснаго бархата, подбитую горностаемъ; а въ ногахъ его возсѣдалъ Вакхъ на бочкѣ; за нимъ свита, замыкаемая шутомъ, который сидѣлъ въ санкахъ, запряженныхъ четырьмя свиньями. Потомъ началось шествіе самаго флота, коимъ предводительствовалъ Нептунъ, сидѣвшій на колесницѣ съ трезубцемъ въ рукахъ, везенной двумя Сиренами. Въ процессіи находился и Князь-Кесарь Ромодановскій въ Царской мантіи и Княжеской коронѣ: онъ занималъ мѣсто въ большой лодкѣ, везенной двумя живыми медвѣдями. Наконецъ появилась громада, 88-пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля Фридемакера, спущеннаго на воду въ Мартѣ 1721 г. въ С-Петербургѣ: онъ имѣлъ три мачты и полное корабельное вооруженіе даже до послѣдняго блока. На етомъ кораблѣ,

---

(10) Сѣверная Пчела, 1833, № 123.

везенномъ 16 лошадьми, сидѣлъ самъ Государь Петръ I въ одеждѣ флотскаго Капитана съ Морскими Генералами и Офицерами и маневрировалъ онымъ, какъ бы на морѣ. За етимъ кораблемъ слѣдовала раззолоченная гондола Императрицы, которая была въ костюмѣ Остфризской крестьянки, а свита ея состояла изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, одѣтыхъ по Арабски (11). За гондолою появились настоящіе члены маскарада, извѣстные подъ именемъ *неугомонной обители:* они сидѣли въ широкихъ длинныхъ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе драконовой головы, и наряжены были волками, журавлями, медвѣдями, драконами, представляя въ лицахъ Езоповы басни и т. д. Такое пестрое и чудное маскарадное шествіе черезъ Тверскіе вороты потянулось въ Кремль при пушечныхъ выстрѣлахъ, куда и достигло къ вечеру. На слѣдующій день и на третій день и 2 Февраля сборъ назначенъ былъ у воротъ, построенныхъ тогда купечествомъ. Етотъ маскарадъ окончился великолѣпнымъ фейерверкомъ и пиршествомъ. Въ продолженіи четырехъ дней Московскаго Карнавала участвовавшія въ немъ особы перемѣняли по нѣскольку разъ свои костюмы.

---

(11) Сѣверная Пчела, 1833, No 125.

По свидѣтельству Штелина, Анна Ивановна собирала у себя на Масляницѣ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ съ ихъ женами, которыя тѣшились Рускими плясками; тутъ же бывали и другія народныя забавы (12). Кому не извѣстенъ въ С.-Петербургѣ предъ Масляною 1739 г. маскарадъ етнографическій по случаю свадьбы одного шута въ ледяномъ дворцѣ! —

При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ открылось катанье въ любимомъ ею селѣ Покровскомъ, прежнемъ Рубцовѣ: тамъ сама Государыня съ придворными каталась на саняхъ и на лыжахъ. Екатерина II, послѣ коронаціи своей въ Москвѣ объ Масляницѣ дала народу трехдневный блистательный маскарадъ въ аллегорической процессіи на улицахъ городскихъ, который сочиненъ былъ актеромъ Волковымъ, подъ названіемъ *Торжествующей Минервы*. — Вѣроятно, въ подражаніе Римскому Карнавалу объ Масляницѣ рядились въ маски и въ разные странные и смѣшные костюмы, которые составляли подвижный маскарадъ уличный; потому что замаскированные и наряженные доселѣ въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи катаются объ Масля-

---

(12) Haigold's Beylagen. II. 11.

ницѣ (13). Съ XVIII вѣка появились въ Москвѣ лубошныя комедіи, гдѣ представлялись иностранными фиглярами разные фокусы-покусы и диковинныя штуки изъ Fastnachspielen, Нѣмецкихъ игръ масляничныхъ. На игрищѣ масляничномъ бывали наряженные козою съ рогами, къ коимъ привѣшивались бубенчики; они *козу въ мѣшкѣ играли*: что значитъ на пословицномъ языкѣ Русскаго народа: „ману „въ глаза пускать, или морочить." Теперь маслиничное гулянье перенесено подъ Новинское, гдѣ урочище *Куковинка* напоминаетъ о Нѣмецкихъ фокусникахъ, которые издавна въ Москвѣ показывая свои райки и штуки, приглашали смотрѣть словомъ kucke, и гдѣ о Святой недѣли *кокались* красными яицами. Что нынѣ говорится: „итти или ѣхать *подъ* „*Новинское* на гулянье", то прежде — *идти на Куковинку*.

Издревле извѣстные въ Россіи *борьба* и *кулачный бой* составляли одну изъ любимыхъ забавъ народныхъ, особенно въ Сырную недѣлю: на улицахъ и на рѣкѣ бьются *самъ на самъ*, или *одинъ на одинъ*. Ето *стѣн-*

---

(13) Похожденіе Ивана гостинаго сына и другія повѣсти и сказки, изд. Н. *Новикова*, 2 ч. Спб. 1785, 86, въ 8. Сатирическій Вѣстникъ. ч. VI. М. 1790, въ 12 (*Масляница.*)

ной бой, *стѣнка на стѣнку*. Такія предуготовительныя гимнастическія потѣхи называются въ лѣтописяхъ *играми*, *игрушками*, какія давали наши Великіе Князья. Ватаги скомороховъ, Задунайскихъ переселенцевъ, бродившихъ по Россіи, вѣроятно, ввели у насъ потѣхи, какъ-то: пляски, разныя фиглярства и фокусы, противъ коихъ вооружается Стоглавъ и грамоты Святительскія и Царскія.

Мѣстность наложила свои отпечатки на етотъ праздникъ народный, который въ разныхъ странахъ Россіи отличается особенностями въ обычаяхъ и обрядахъ. Замѣтимъ здѣсь нѣкоторыя мѣстныя отступленія въ праздновані и Масляницы отъ общаго, главнаго ея характера.

Въ Переславлѣ-Залѣскомъ, Юрьевѣ-Польскомъ, Владимірѣ и въ Вяткѣ, на огромныхъ саняхъ въ 12 лошадей возятъ наряженнаго мужика, который, подобно Кроду Нѣмецкихъ Славянъ, сидитъ на колесѣ вверху столба, утвержденнаго посреди саней, въ рукахъ держитъ полштофъ съ виномъ и калачи. Его сопровождаютъ наряженные музыканты, которые играютъ и поютъ, также обыватели въ саняхъ. Подобное олицетвореніе Масляницы встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ

Россіи. Въ Зарайскомъ уѣздѣ тогда же возятъ на саняхъ большое дерево, обвѣшенное лоскутками и бубенчиками.

Въ Симбирской Губерніи Ардатовскаго, Алатырскаго, Курмышскаго и Карсунскаго уѣздовъ, частію въ Пензенской Губерніи, особенно въ Саратовскомъ уѣздѣ, объ Масляницѣ, обыкновенно снащиваютъ 8 или 10 дровней (ето подсанки), въ срединѣ дровней утверждается высокое, довольно толстое дерево въ видѣ мачты; на верхъ его вдѣвается колесо, на которое садится какой-нибудь деревенскій наряженный весельчакъ, и представляетъ различные фокусъ-покусы, свойственные деревенскому Рускому мужику. Етотъ обрядъ называется *проводами честной Масляницы.* Обыкновенно ету всю сплоченную массу возятъ по всѣмъ закоулкамъ, причемъ, вмѣсто лошадей, запряжено бываетъ нѣсколько разряженныхъ и уродливо, безъ всякаго вкуса, испещренныхъ людей, которые наряжаются въ видѣ лошадей. Предъ ними прыгаютъ и поютъ скоморохи и колоброды изъ деревни или села. Обрядъ етотъ совершаемъ былъ послѣдній день Масляницы въ прощеное воскресенье.

Въ Архангельскѣ, подобно какъ въ Парижѣ, мясники возятъ по городу, о Сыр-

ной недѣлѣ, быка на огромныхъ саняхъ кои запряжены нѣсколькими десяшками лошадей и связаны съ другими санями (14). Въ Нерехтѣ масляничныя увеселенія начинаются съ середы. Въ етотъ день изъ окрестностей пріѣзжаютъ туда дѣвки въ праздничныхъ платьяхъ и набѣленныя, особенно новобрачные, и катаются отдѣльно отъ мущинъ, до самаго вечера. Въ четвертокъ и пятокъ здѣшніе жители не катаются. Въ субботу сюда съѣзжается великое множество народа изъ окрестностей. Здѣсь продавъ напряденную въ ту недѣлю пряжу, покупаютъ лакомства и гуляютъ по рынку до вечера. Въ округѣ, масличныя потѣхи начинаются въ економическихъ селеніяхъ со вторника, а въ помѣщичьихъ съ четверга. Ежедневно катаются отъ одной деревни къ другой: при чемъ новобрачные ѣздятъ въ гости къ сродникамъ, которые отдариваютъ ихъ мыломъ. Въ большихъ вотчинахъ, въ Сыропустное воскресенье сбирается съѣздъ изъ нѣсколькихъ сотъ лошадей, подъ названіемъ *обоза*, который извѣстенъ въ Ярославлѣ подъ именемъ *околка*. При етомъ нѣкоторые ѣздятъ верхами, наряжен-

---

(14) Encyclopedie des gens du monde. t. 1 — 5, à Paris. 1823, 8. — Записки Рускаго путешественника, *А. Глаголева*, 4 ч. Спб. 1837, въ 8.

ные въ соломенныхъ колпакахъ и кафтанахъ. Ввечеру того дня молодые обоего пола въ своемъ селеніи на улицѣ поютъ пѣсни; послѣ сего, взявъ каждый съ своего двора по снопу соломы, вмѣстѣ сожигаютъ ее въ селеніи, а чаще за селеніемъ. Етотъ обрядъ, встрѣчающійся и въ другихъ мѣстахъ Россіи, называется *сожигать Масляницу*, или *соломеннаго мужика*. Съ вѣроятностью заключить можно, что ето обыкновеніе, существующее съ незапамятныхъ временъ, есть остатокъ отъ языческихъ требъ и обрядовъ, примѣшанный къ увеселеніямъ Сырной недѣли. Подобный встрѣчается у Нѣмецкихъ Славянъ (Todaustreiben), которые перваго Марта выносятъ изъ селеній соломенное чучело въ образѣ смерти и сожигаютъ его въ память усопшихъ, или, бросаютъ въ воду, какъ Римляне нѣкогда въ Маѣ м. брасывали въ Тибръ свои тростниковые болваны (simulacra scirpea, *εἴδωλα ἀνδρείκελα*) (15). Въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, въ етотъ день хаживали съ факелами на кладбища (16). Догадка сія, замѣчаетъ М. Я. Діевъ, утверждается и тѣмъ, что въ воскресенье Сырной

---

(15) *Ovid.* fast. V, 621, 679. *Dionys. Hal.* I, 19.

(16) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

недѣли, которое, по большей части, приходится около 1 го Марта, донынѣ ходятъ и Нерехотскіе жители на кладбище прощаться и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ Силезіи и Польшѣ, въ воспоминаніе истребленія идоловъ 965 года Марта 7 го, въ воскресенье Сырной недѣли (Laetare, Tod-Sonntag) бросаютъ въ рѣки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы. Это примѣнилось къ смерти, къ зимѣ, къ Масляницѣ, кои замѣняли языческое божество (17), уже преданное забвенію въ народѣ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ увидимъ, сохраняемое завѣтнымъ преданіемъ. Въ восточной Пруссіи и Польшѣ, во вторникъ Масляницы крестьянскія ребята дѣлаютъ небольшую деревянную лошадь, которую наряжаютъ разноцвѣтными лентами и носятъ ее по домамъ съ плясками, играя на скрыпкѣ. Въ каждомъ домѣ даютъ имъ по два или по три гарнца овса, который они послѣ мѣняютъ на горѣлку и съ нею забавляются цѣлую ночь. На другой день женщины ходятъ сбирать ленъ или рожь, которые назначаются для

---

(17) Maslographia, oder Beschreibung des Schlesischen Massel, von L. D. Hermann. Brieg. 1711, in 4. — Handbuch der Germanischen Alterthumskunde v. D. G. *Klemm*. Dresden. 1836, in 8.

такогожъ употребленія. Первое называется: chodzié z konikiem, а другое chodzié z pienkiem.

Въ Сибири, о Масляницѣ сплочивались нѣсколько огромныхъ саней и устроивался на нихъ корабль съ парусами и снастями. Тутъ садились и люди и медвѣдь *и госпожа Масляница* и разные паяцы: все это вообще слыло *Масляницею;* въ сани впрягали лошадей по 20 и возили ее по улицамъ. За этимъ поѣздомъ слѣдовали толпы ребятъ съ пѣснями и разными прибаутками. Тамъ блины замѣняются *хворостами* — родъ пирожнаго (18). Въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, въ субботу на Масляницѣ, крестьянскіе ребята строютъ на рѣкѣ изъ снѣга родъ городка съ башнями и двумя воротами, между коими находится прорубь. Игра начинается такъ: ребята раздѣляются на двѣ партіи — на конницу, которая осаждаетъ городокъ, и на пѣхоту, которая защищаетъ его. Устроясь въ боевой порядокъ, конные, по данному знаку, пускаются во всю прыть на взятіе городка, гдѣ пѣшіе, вооруженные помелами и метлами, стараются маханіемъ испугать лошадей, чтобы не допустить къ городку.

18) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1817, въ 8.

Но нѣкоторые изъ конныхъ, не взирая на сопротивленіе, прорываются сквозь пѣхоту и на всемъ скаку въѣзжаютъ въ ворота снѣжной крѣпости: что̀ и значитъ *взять городокъ*. Побѣдителя купаютъ въ проруби; послѣ чего угощаютъ виномъ всѣхъ ратоборцевъ, отличившихся въ пѣхотѣ и конницѣ. Потомъ, сломавъ крѣпость, возвращаются въ деревню съ пѣснями. Етою игрой, основанною на какомъ-либо событіи, оканчивается и Масляница (19).

Въ Ярославлѣ на Масляной недѣлѣ, кромѣ угощенія блинами и катанья на горахъ и по улицамъ, есть обыкновеніе, вѣроятно, остатокъ временъ языческихъ, *пѣть Коледу*, которую обыкновенно воспѣваютъ въ Россіи о Святкахъ (20). Съ четверга етой недѣли толпы фабричныхъ съ бубнами, погремушками, рожками, балалайками и другими простонародными инструментами ходятъ по домамъ, и пришедши на дворъ, поздравляютъ хозяина съ праздникомъ и говорятъ: *Прикажи, сударь, хозяинъ, Коледу пропѣть!* Получивъ позволеніе, поютъ:

---

(19) Записки дѣвицы *Т. К. Кашкадамовой*.

(20) Сынъ отечества, 1837, № 15. ст. *Н. Петровскаго*.

Ужъ какъ шли ребяша коледовщики.
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Коледовщики, все фабрищики.
Виноградъ, зеленая моя!
(Ешошъ припѣвъ поешся послѣ каждаго сшиха)
Мы искали двора господина своего,
Господиновъ дворъ на семи версшахъ,
На семи версшахъ, на осьми сшолбахъ.
Посреди двора, посреди широка,
Сшояшъ при шерема,
Три шерема злашоверхіе:
Въ первомъ шерему красно солнышко,
Во вшоромъ шерему часшы звѣздочки,
Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ шерему,
Хозяюшка въ дому, госпожа въ высокомъ,
Молодыя дѣвушки въ дому, какъ орѣшки въ меду.
Виноградъ, красно-зеленая моя!

Послѣ ешого, хозяинъ подносишъ имъ вина и одѣляешъ деньгами; коледовщики въ знакъ благодарносши поюшъ:

Благодаршвуй, хозяинъ, на хлѣбѣ, на соли и на жалованьѣ!
Виноградъ, виноградъ, красно-зеленая моя!
Накормилъ, напоилъ, съ двора спусшилъ.
Виноградъ, красно-зеленая моя!

Въ Сольвычегодскѣ, на Масляницѣ сваренное общимъ иждивеніемъ пиво, которое вмѣстѣ и распиваютъ, такъ какъ и въ другіе праздники, называется *братчиною*.

Сцены Руской Масляницы заключаются *провожаньемъ* и *прощаньемъ*. „На Масляницѣ— „пишетъ очевидецъ Маржеретъ въ началѣ „XVII вѣка — Рускіе посѣщаютъ другъ „друга, цѣлуются, прощаются, мирятся, если „оскорбили другъ друга словомъ, или дѣломъ; „встрѣтясь даже на улицѣ — хотя бы ни„когда прежде не видались — привѣтствуютъ „другъ друга взаимнымъ поцѣлуемъ. *Прости „меня, пожалуй!* говоритъ одинъ; *Богъ тебѣ „проститъ!* отвѣчаетъ другой. При этомъ „должно замѣтить, что не только мущины, „но и женщины считаютъ поцѣлуй зна́комъ „привѣтствія, когда готовятся въ путь, „или встрѣтятся послѣ долговременной раз„луки. По окончаніи Масляницы, всѣ идутъ „въ баню." — Что̀ и до нынѣ, чрезъ два вѣка послѣ Маржерета, между родными и знакомыми наблюдается болѣе у простолюдиновъ. Въ Нерехтѣ, въ Сырное Воскресенье вечеромъ, а въ Зарайскѣ утромъ, ходятъ на кладбище прощаться съ усопшими родственниками, къ Священникамъ своимъ духовни-

камъ, а новобрачные носятъ пряники къ родственникамъ (21). Повсемѣстно, предъ тѣмъ, какъ ложиться спать, семейные прощаются другъ съ другомъ: при чемъ дѣти кланяются въ ноги родителямъ, а слуги господамъ. Подобный обычай, проистекшій изъ Христіанскихъ источниковъ, ведется между народомъ во всей Россіи. Прощальное воскресенье въ Сибири слыветъ отъ цѣлованья *Цѣловникомъ*. Въ XVII вѣкѣ, Царь въ етотъ день самъ хаживалъ къ Патріарху съ Боярами, Окольничими и Думными людьми на прощанье и при етомъ случаѣ угощаемъ былъ медами и романеею (22).

Въ етомъ пестромъ праздникѣ народномъ, оканчивающемъ зиму, ясно открывается смѣсь стихій древняго языческаго обряда съ Христіанскимъ обычаемъ, отечественнаго съ чужестраннымъ, стариннаго съ новымъ: олицетвореніе и сожженіе Масляницы, соломенный мужикъ, мѣстное воспоминаніе о Коледѣ, скоморошскія игры, заморскія и народныя, относятся къ остаткамъ отъ міра языческаго, а прощаніе другъ

---

(21) Записки М. Я. Діева изъ Нерехты, К. И. Аверина изъ Зарайска и И. И. Тычинкина изъ Галича.

(22) Древняя Россійская Вивліоѳика. ч. VI, М. 1788, въ 8.

съ другомъ и съ усопшими заимствовано отъ миролюбиваго Хрістіанства.

Остатки Масляничныхъ яствій слывутъ въ нѣкоторыхъ поволжскихъ Губерніяхъ *поганымъ хлѣбомъ*, который жители отдаютъ бѣднымъ кочевымъ Калмыкамъ (23). Въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи, на первой недѣлѣ Великаго поста, начинаемой у простолюдиновъ *полосканьемъ ртовъ*, т. е. похмѣльемъ, въ субботу пекутъ блины постные: это называется *Тужилкою по Масляницѣ*, коей сцены возобновляются на Ростовской ярмаркѣ.

---

(23) Поденьшина. Спб. 1769, въ 16.

Примѣчанія къ пѣснямъ.

α) *Рыбья зуба.* Такъ въ XXI пѣснопѣніи древнихъ Рускихъ стихотвореній: „И стоитъ бѣсѣда — „дорогъ *рыбій зубъ.*“ Великій Кн. Рослиславъ въ 1159 г. дарилъ Святослава Олговича *рыбьими зубами.* Герберштеинъ говоритъ, что въ древней Россіи назывались *рыбьими зубами* моржовые клыки, и нынѣ употребляемые на разныя подѣлки. см. *Карамз.* И. Г. Р. т. III, стр. 328.

β) *Теремъ* однороденъ съ Греч. *τέραμνος* и *τέρεμνον*, или *νυμφίδιον ἀπὸ τερέμνων* дѣвичьи свѣтелки, вышки и отдѣльные покои для новобрачныхъ; у Лукіана они называются *ὑψιλὰ τέρεμνα высокіе теремà*, о коихъ не рѣдко вспоминаютъ народныя Рускія пѣсни. Въ теремахъ живали дѣвицы и женщины: чтò, кромѣ свидѣтельства лѣтописей, подтверждаетъ и пословица: *Въ клѣткахъ птицы, а въ теремахъ дѣвицы.* Самыя святочныя игрища принадлежатъ къ *теремнымъ* потѣхамъ.

γ) Сл. *кузнецъ* (cusor) ковáчь, кóваль обширнѣйшее имѣлъ прежде значеніе, чѣмъ нынѣ — почти такое, какое золотыхъ дѣлъ мастеръ. *Кузнь*

принимается у лѣтописцевъ нашихъ въ смыслѣ золотой и серебряной ковани; почему то и другое слово, повидимому, однознаменательно съ *казною*, коей производство отъ *гомзы* и Персидскаго сло́ва облатынившагося gaza кажется отдаленнымъ и выисканнымъ. Вь Никон. лѣт. II, 215. „кузнь церковная."

б) *Спаса въ Чигасахъ*. Въ лѣтописцѣ подъ 1483 г. отмѣчено, что „Заложилъ церковь кирпичную за Яузою С. Спаса Игуменъ Чигасъ." Сія церковь донынѣ существуетъ въ Москвѣ. — см. *Карамз*. И. Г. Р. ч. VI, прим. 629.

в) *Полкораблика*. „*Корабликъ*, по изъясненію Словаря Росс. Академіи, родъ старинной шапки, мущинами и женщинами носимой, у которой передъ и задъ околыша возвышается въ верхъ островатыми козырями, наподобіе носа и кормы у водоходнаго судна." Въ древнихъ Руск. стихотвор. такъ говорится объ етомъ головномъ украшеніи:

Кораблики бобровые, верхи бархатные.

Но *корабельникъ*, корабльникъ (нобиль) есть монета. Здѣсь же, по смыслу пѣсни, указываетъ на первое.

г) *Повалушею* въ Касимовскомъ уѣздѣ называется холодная горница, какія строятся противъ избы черезъ сѣни; ето родъ *клети*. Разница между *гриднею* и *повалушею* видна изъ слѣдующаго

мѣста въ Арханг. Лѣтоп. 170: „Великій Князь „выйде отъ него въ *повалушу*, а Князю Андрею „повелѣ себя ждати, и бояромъ его повелѣ итти „въ столовую гридню.“ Въ пѣснопѣніи о Добрынѣ въ Древн. Рускихъ стихотв. упоминается, что онъ въ Кіевѣ

По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По *повалушамъ* стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей.

Старая пословица говоритъ, что *Теремъ высокъ, а повалуша выше*. Что̀ подтверждаютъ слѣд. слова Курбскаго: „Обрѣлъ храмину зѣло высоку, „по ихъ же нарицаютъ *повалуша*, въ самыхъ „верхнихъ каморахъ.“ Въ Новгор. Таможенномъ уставѣ 1571 г. велѣно брать пошлину „съ хо„ромъ рубленыхъ, горницъ, *повалушъ*, избъ, „клѣтей“ и т. д.

При разложеніи стихій въ Святочныхъ пѣсняхъ открываются въ нихъ однѣ древнія, проистекшія изъ вѣрованія и миѳическихъ сказаній, другія изъ быта народнаго; послѣднія болѣе Новгородскія и Московскія, какъ показываютъ самыя слова́ пѣсенъ. При переходѣ на Москву Святочныхъ игрищъ и пѣсенъ, повидимому, нѐ ранѣе XV или XVI вѣка, къ древнимъ припѣвамъ присоединились новыя, заимствованныя изъ быта тѣхъ временъ и духа правленія; ибо въ нихъ уже воспѣвается Царь. Изъ Царскихъ теремовъ, гдѣ онѣ проявились, въ послѣдствіи вѣроятно перешли въ хоромы и терема боярскіе и ку-

печескіе, а потомъ въ городскія слободы и въ жилища поселянъ, гдѣ до нынѣ еще удерживается, какъ старинное достояніе народное. Если бы собрать всѣ святочныя пѣсни въ Россіи съ ихъ мѣстными отмѣнами, дополненіями и варіантами: тогда бъ можно было сдѣлать вѣрнѣйшее или ближайшее къ истинѣ заключеніе о содержаніи, произхожденіи и характерѣ пѣсень и самыхъ игрищь. До тѣхъ поръ ограничимся симъ опытомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			стран.
I.	*Святки*		1—64
	а. Пѣсни Колядскія и виноградье.		5—69
	b. Святочныя		70—87
	с. Круговыя		88—100
	d. Загадочная		101—102
II.	*Авсень*		103—110
	Авсеневыя пѣсни		111—114
III.	*Масляница*		115—137

NB. Въ I выпускѣ, на стр. 182, должно уничтожить слова: „Литовская Swistoplaska. Рецензія на сію книгу помѣщена къ No 46 *Литературныхъ прибавленій къ Руск. Инвалиду* 1837 г. Сочинитель не иначе можетъ удовлетворить требованію указателя къ своей книгѣ, какъ по окончаніи оной.